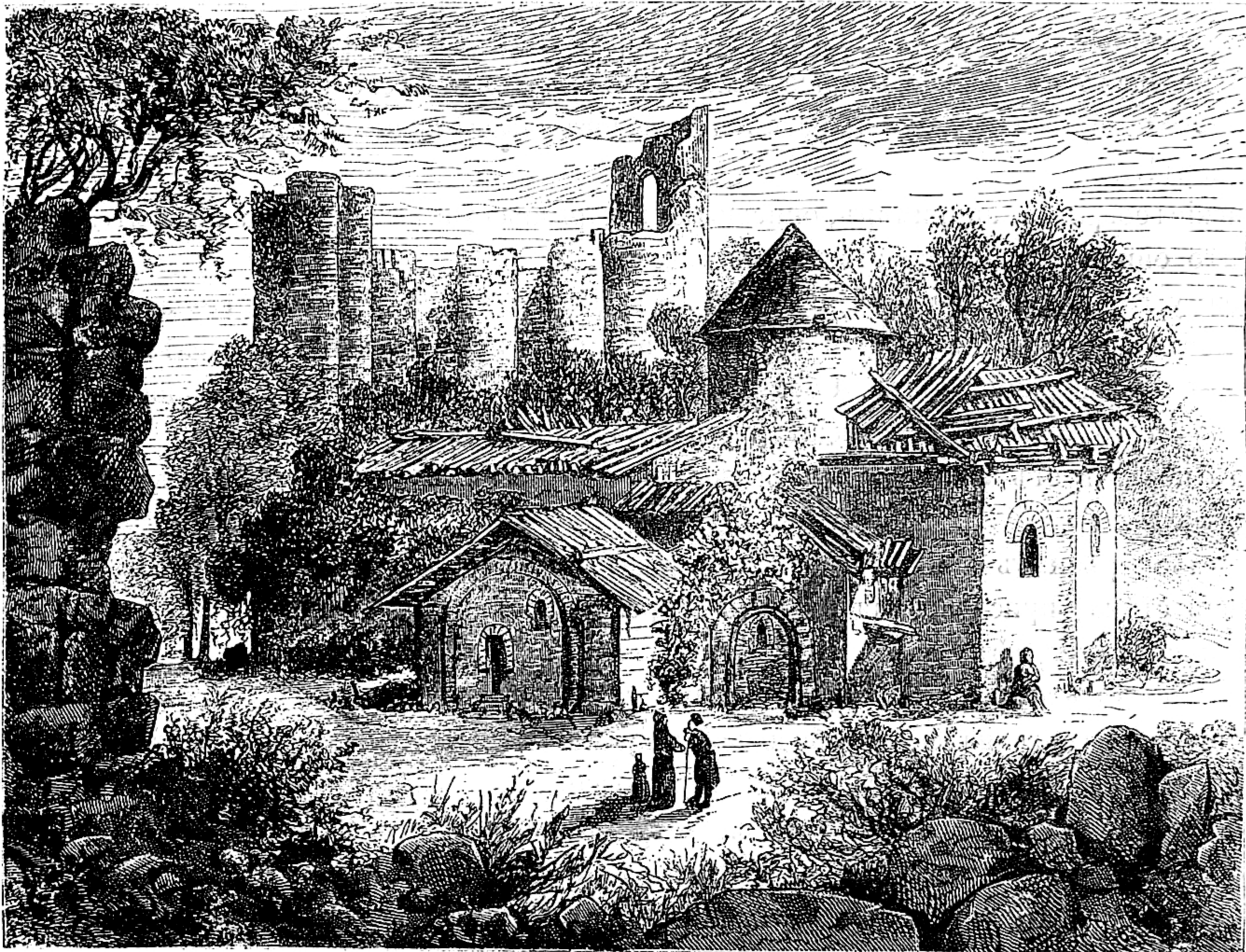

2. Кавказъ — ворота народовъ.

Мало того, что Кавказъ былъ колыбелью древняго человѣчества, Кавказъ издревле сталъ и его воротами. Зачавшіяся въ роскошныхъ долинахъ Азіатскихъ и Африканскихъ рѣкъ, на плодородныхъ берегахъ теплыхъ морей, древнія царства, еще на далекой зарѣ исторіи, ведутъ войны съ дикими народами сѣверныхъ равнинъ, черезъ тѣснины Кавказа.

По Грузинской хроникѣ царя Вахтанга, первые набѣги Хозаръ на Закавказскія царства наслѣдниковъ баснословнаго Таргамоса начались еще задолго до Рождества Христова; тогда уже существовали «Морскія ворота», называвшіяся при Вахтангѣ *Дарубанди* (Дербентъ), черезъ которыя и прорывались многочисленныя полчища Хозаръ. Хозары, по увѣренію Вах-

Развалины въ Сванетіи.

танга, узнали тогда же и другой путь черезъ Кавказскій хребетъ — Арагвскія ворота или *Даріалы*.

Переходъ Моисея съ Евреями изъ Египта черезъ Черное море упоминается Грузинскою хроникою какъ событіе, гораздо позднѣйшее (160 лѣтъ спустя).

До такой степени древними являются «Кавказскія ворота» въ воображеніи народовъ, хотя и невозможно довѣрять этимъ баснословнымъ утвержденіямъ грузинской хроники.

Несомнѣнно, что въ VII вѣкѣ до Рождества Христова, въ эпоху нашествій Скиѳовъ на Персію, «Каспійскія» или Дербентскія ворота, эти «ворота воротъ», по выраженію арабскихъ лѣтописцевъ, уже были выстроены между хребтомъ Кавказа и волнами Каспія.

Они замыкали узкій береговой проходъ толстою каменною стѣною, начинавшеюся за милю отъ берега, въ волнахъ моря, и продолжавшеюся къ западу до недоступныхъ вершинъ хребта. Въ Гелатскомъ монастырѣ Имеретіи до сихъ поръ можно видѣть уцѣлѣвшую половину этихъ

историческихъ Каспійскихъ воротъ, грубо окованную желѣзомъ, отбитую какъ трофѣй однимъ изъ царей Грузіи.

Черезъ Дарьяльскія ворота, *per Dariem*, какъ выражались старыя римскія историки, еще чаще двигались народы изъ Европы въ Азію, изъ Азіи въ Европу.

Дарьяль — это знаменитыя въ лѣтописяхъ «*Кавказскія ворота*». У Римлянъ и въ средніе вѣка они часто назывались *Porta Cuman*, «ворота Комановъ», т. е. Половцевъ. Эти кочевники хорошо поняли значеніе Дарьяльскаго ущелья, и кочуя у сѣвернаго подножія Кавказа, постоянно старались владѣть ущельемъ, запирая по произволу путь черезъ хребетъ своимъ недругамъ, а сами всегда готовы ринуться на Азіатскія царства черезъ эти открытыя ворота.

Грузинскій царь Мирванъ, жившій во II вѣкѣ до Рождества Христова, по сказаніямъ Грузинской хроники, уже засталъ въ ущельѣ ворота, преграждавшія тѣснину рѣки, и приказалъ заложить ихъ на-глухо, чтобы вовсе не пропускать въ Грузію кочевниковъ и горскихъ разбойниковъ, а тутъ же надъ воротами, на одинокомъ обрывистомъ утесѣ, построилъ крѣпкій замокъ, развалины котораго видны до сихъ поръ на скалѣ Тамары.

Кто не зналъ въ далекіе старыя вѣка этихъ воротъ и этого замка, — отъ крѣпости которыхъ зависѣла судьба цѣлыхъ царствъ и народовъ, владѣть которыми значило владѣть всѣмъ Закавказьемъ!....

Римскіе географы, напримѣръ, описываютъ Дарьяльскую тѣснину такъ обстоятельно и мѣтко, какъ будто они видѣли ее собственными глазами.

«Между горами, которыя вдругъ, разомъ раздвигаются, природа создала съ необычайнымъ усиленіемъ проходъ, запертый воротами изъ бревенъ, окованными желѣзомъ, внизу которыхъ течетъ рѣка Дириодорисъ. Сбоку, на скалѣ, стоитъ замокъ Куманія, достаточно укрѣпленный для того, чтобы преграждать путь безчисленнымъ племенамъ.»

Такъ повѣствуетъ Плиній о «Кавказскихъ воротахъ». Страбонъ говоритъ про нихъ почти то же самое:

«Ущелье рѣки въ концѣ 4 дней приводитъ къ берегамъ Араго (т. е. Арагвы), гдѣ неприступная стѣна, прислоненная къ замку, преграждаетъ дорогу.»

Грузинскій географъ, царевичъ Вахумта, писавшій въ XVIII столѣтіи, еще видѣлъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ «ворота изъ камней скалы, связанныхъ цементомъ», подъ которыми ревѣли волны Терека, видѣлъ на скалѣ «большой и крѣпкій замокъ», построенный, какъ тогда думали, царицею Тамарою противъ набѣговъ дикихъ Оссовъ.... Тамара несомнѣнно возобновила и укрѣпила замокъ, существовавшій, повидимому, съ доисторическихъ временъ.

Кто хочетъ получить вѣрную идею Кавказа и кому некогда посвятить на это много времени, — пусть посѣтитъ только одинъ Дарьяль и его замокъ Тамары.

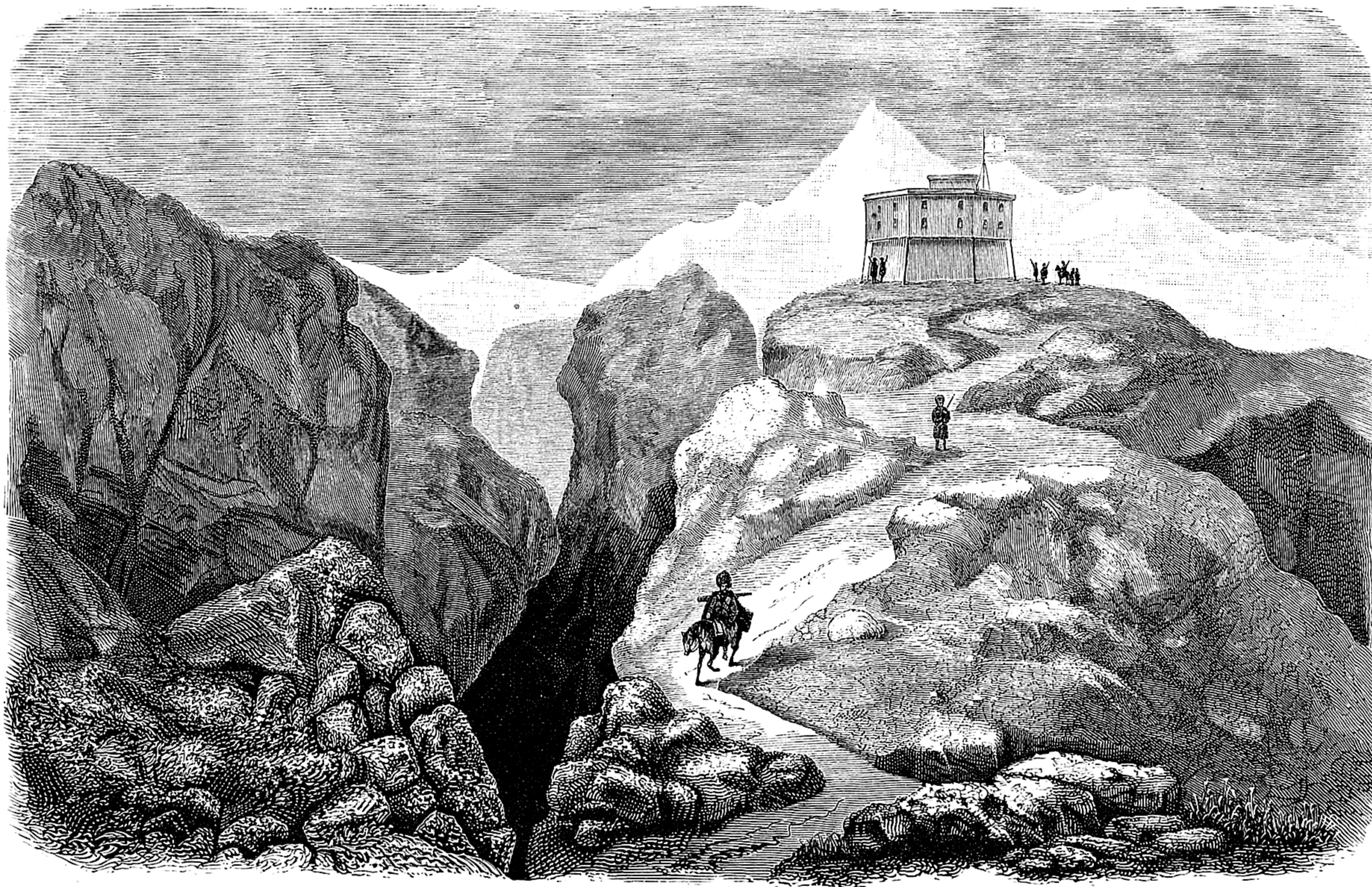
Въ Дарьяль — портретъ цѣлаго Кавказа, весь его историческій смыслъ, весь типическій характеръ его горнаго рельефа и его ландшафтной живописи.

Проѣхать Дарьяль, — это почти проѣхать Кавказъ.

Черныя горы стѣнами, шатрами, пирамидами, то лохматые отъ еловыхъ лѣсовъ, то совсѣмъ до кости голыя, одѣтыя, какъ панцырь, въ черную гранитную плиту, то сіяющія своими далекими снѣгами, будто серебро царственныхъ вѣнцовъ, — сдавливаютъ узкую темную тѣснину, словно ножомъ прорѣзанную среди нихъ, напирая на нее со всѣхъ сторонъ, поднимая свои каменныя и ледяныя макушки одна изъ-за плечъ другой.

Забывшись, кажется, будто эта толпа окаменѣвшихъ титановъ съ безмолвнымъ упорствомъ лѣзетъ другъ изъ-за друга, чтобы поглазѣть изъ глуши своего заточенья на дико прыгающаго, дико ревушаго звѣря, обладающаго ихъ своей бѣшеной пѣной, злобно грызущаго ихъ утесы, потрясающаго все это сырое и глухое ущелье своими неистовыми воплями и всплесками.

Даже стойкому и привычному духу жутко въ этой черной тѣснинѣ, загородившей небо,

Т. IX.

Бурундукъ-кальская башня и спускъ отъ нея къ Ирганаю. (Дагестанъ).

не пропускающей въ себя солнечнаго луча, полной дьявольскаго шума и дьявольскаго разрушенія.

Пугливо подрагиваетъ чуткими ушами и косится своимъ кровью налитымъ глазомъ бойкій конекъ, пронося надъ обрывами kloкочущихъ водъ суроваго всадника, увернутаго въ черную мохнатую бурку, въ черный мохнатый башлыкъ, съ ружьемъ въ черномъ мохнатомъ чухлѣ.

Эта молчаливая фигура горскаго наѣздника, мохнатаго, какъ коршунъ, хищнаго, какъ коршунъ, одиноко рыскающаго, какъ коршунъ, — такъ подходитъ ко всей безотрадной, дикой обстановкѣ Дарьяла! А тамъ, въ далекой глубинѣ неба, которое отсюда кажется еще дальше, еще глубже, плаваютъ, неподвижно распластавъ свои могучія крылья, другіе хищники пустыни — горные орлы.

Орлы подъ облаками да рогатые туры на заоблачныхъ утесахъ, — вотъ населеніе Дарьяла. Горецъ, живущій въ его тѣснинѣ, въ ущельяхъ, въ нее впадающихъ, смѣлъ какъ этотъ орелъ ловокъ какъ эти туры. Онъ неутомимый охотникъ на туровъ, онъ преслѣдуетъ ихъ въ одиночку съ утеса на утесъ, отъ пропасти къ пропасти; какъ они, онъ живетъ въ облакахъ и снѣгахъ, и его сердцу нѣтъ радости въ картинѣ, какъ эти зіяющія бездны и эти тѣснящіяся громады.

Посмотрите на аулъ этого горца, на его старинную башню.

Это нора звѣря, устроенная изъ осыпей скалъ, на уступѣ утеса, темная, какъ нора, незамѣтная чужому глазу и недоступная чужимъ шагамъ. Черные аулы лѣпятся по чернымъ обрывамъ цѣлыми ярусами плоскихъ земляныхъ крышъ, словно гнѣзда стрижей или каменныхъ скворцовъ.

Еще выше, еще недоступнѣе этихъ звѣриныхъ норъ, на какомъ-нибудь голомъ утесѣ, господствующемъ надъ окрестностью, торчитъ полуслѣпая высокая башня съ узкими прорѣзами бойницъ, кверху суженная, сложенная изъ кусковъ скалы, какъ скала крѣпкая, какъ скала старая, незамѣтно сливающая съ цвѣтомъ скалы цвѣтъ своихъ замшившихся стѣнъ. Мрачно и грозно глядятъ эти жилища человѣка среди мрачной и грозной тѣснины. Не объ удобствахъ и радостяхъ жизни, не о мирныхъ трудахъ семьи говорятъ они, а о вѣчной войнѣ, вѣчной враждѣ, вѣчной опасности.

Какая тутъ нужда въ свѣтѣ, въ просторѣ?

Залѣзть въ свою нору отъ осенняго ливня, отъ ночной грозы, отъ преслѣдованія врага, выспаться тамъ да проглотить свой скудный, съ боя добытый кусокъ хлѣба, отогрѣться у разведеннаго очага отъ зимней непогоды, — никакихъ другихъ требованій не предъявляетъ суровый горецъ своему темному каменному логовищу.

Тутъ все кругомъ только вражда и борьба. Терекъ рветъ скалы; скалы заваливаютъ Терекъ; снѣговья лавины рушатся на лѣса и сносятъ ихъ въ бездны; орелъ уноситъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ дикаго козленка; облака закутываютъ солнце и небо, вѣтеръ теребитъ въ клочки облака: — въ этой обстановкѣ воспитывался съ дѣтства духъ горца; онъ поддавался стихіямъ, властвующимъ надъ нимъ, какъ и надъ всѣмъ кругомъ, жилъ съ этими стихіями, поступалъ какъ онѣ.

У скалы Тамары Дарьялъ обращается въ настоящія ворота, запирающія непроходимую твердыню Кавказскаго хребта... Здѣсь Терекъ сдавленъ гранитными стѣнами подоблачной высоты, буквально какъ въ клѣткѣ...

«Онъ тамъ — играетъ въ свирѣпомъ весельѣ,
«Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
«Завидѣвши птицу изъ клѣтки желѣзной,
«И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
«И лижетъ утесы голодной волной...
«Вотще! — нѣтъ ни нищи ему, ни отрады...
«Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады....»

Терекъ дѣйствительно звѣрь; это не одно красное слово поэта. Вы всѣмъ существомъ своимъ вѣруете въ это, когда смотрите на него, когда находитесь въ его власти. Столько

напряженной, осязательной, ощущающей жизни умъ не въ силахъ совмѣстить съ понятіемъ о смертной природѣ. Нѣтъ, — рѣка, море, гроза небесная, — это далеко не мертвая природа! Это такая же индивидуальная, самобытная жизнь, какъ и все несомнѣнно живое, — тутъ движеніе, тутъ страсти, тутъ даже голосъ жизни....

Терекъ дѣйствительно бѣжитъ вамъ на встрѣчу, словно необыкновенно страшный и необыкновенно красивый звѣрь, неистово прыгая, потрясая гривой, рыча и завывая.... Вы ощущаете это дрожью своихъ нервовъ, головокруженіемъ ужаса...

«И Терекъ, бѣшенный какъ львица,
«Съ косматой гривой на хребтѣ!...»

Онъ дѣйствительно живетъ здѣсь, въ этихъ дикихъ горахъ, словно ихъ природный царь и владыка, смѣло прокладывая себѣ путь черезъ всѣ препятствія, торжественно трубя свои побѣдныя пѣсни.... Тамъ, въ далекихъ верхнихъ долинахъ, подъ ледниками Казбека, онъ

Монастырь св. Георгія при Ананурской станціи.

представляется вамъ веселымъ легкимъ юношей, несущимся съ радостной пѣсней, въ искрящихся лучахъ солнца, на встрѣчу всякимъ случайностямъ жизни... Онъ

...«родился у Казбека,
«Вскормленъ грудью облаковъ...»

Здѣсь, «въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла», — онъ уже «роется во мглѣ», суровый и безпощадный, разрушая скалы, разбрасывая камни, расплескивая пѣну своихъ водъ.

Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летять.

Скала Тамары поднимается обрывистымъ, одинокимъ утесомъ, какъ-разъ посреди ущелья какъ-разъ посреди водоворота Терека. На плоской вершинѣ ея уже не видно больше неприступнаго замка, такъ долго ее вѣнчавшаго, такъ долго запиравшаго на ключъ историческую дверь народовъ изъ одного свѣта въ другой. Однако развалины башни и стѣнъ еще напоминаютъ путешественнику о томъ таинственномъ убѣжищѣ, въ которомъ, если вѣрить поэтической легендѣ, жила когда-то страшная красавица Тамара,

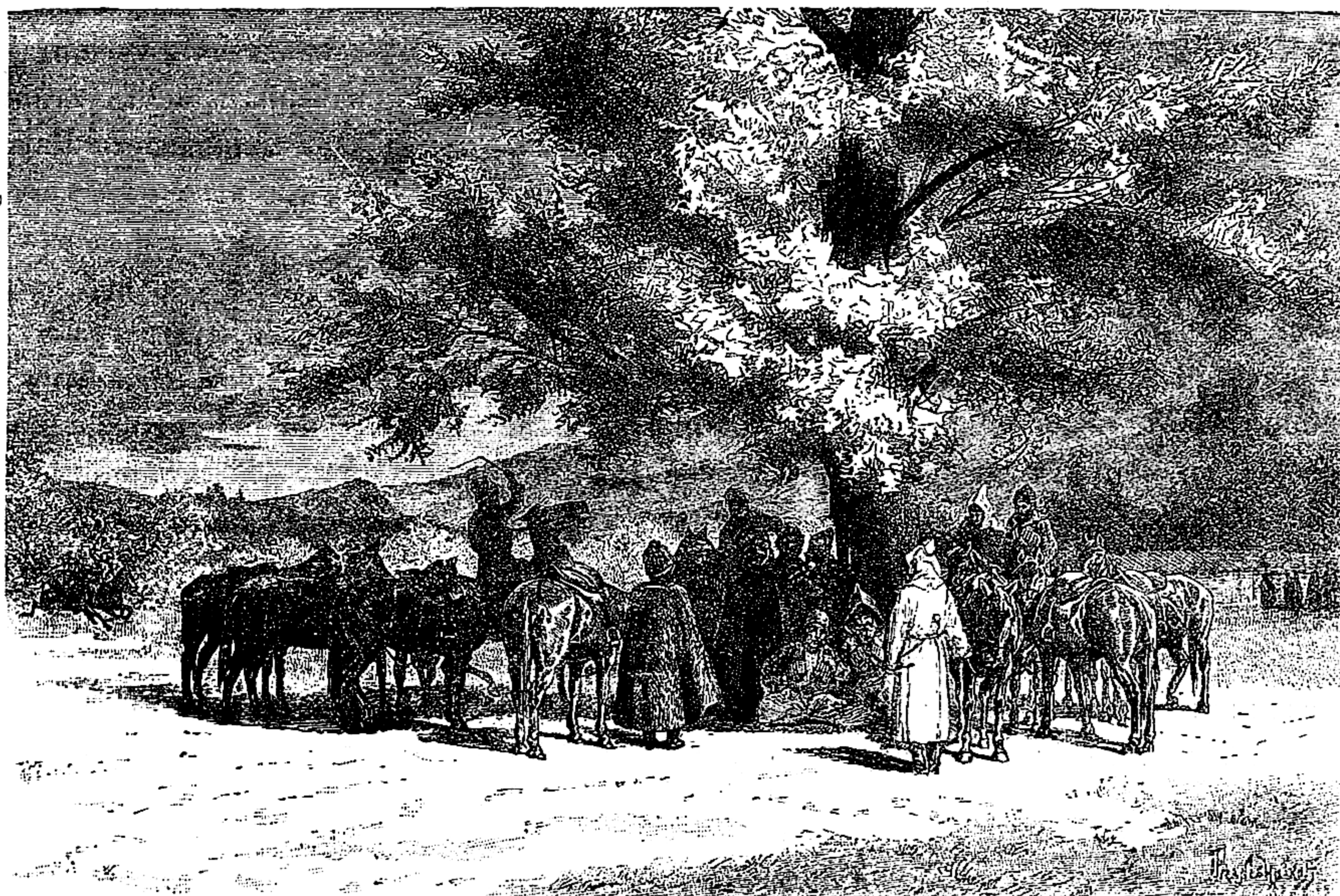
«Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
«Какъ демонъ коварна и зла».

Въ дикой обстановкѣ Дарьяльскаго ущелья, подъ бѣшенныя напѣвы Терека, видно, даже любовь невольно принимала звѣрскій и губительный характеръ.... Поцѣлуй любви раздавался

въ этомъ мрачномъ хаосѣ волнъ и камней, какъ ночная оргія «ста юношей пылкихъ и женъ», и смерть, а не рожденіе была плодомъ свирѣпой любви....

Не видно больше и знаменитыхъ воротъ у подножія скалы; только русская крѣпость самаго правильнаго, казеннаго вида, съ казармами и часовыми, играющая теперь роль этапнаго дома, — прозаически ютится въ тѣни славнаго утеса, воспѣтаго поэтами. Новая цивилизація не гонится за вершинами скалъ, на которыя неудобно возить бочки воды и крупу для гарнизона, и съ этой трезвой хозяйственной точки зрѣнія предпочитаютъ безцвѣтную равнину съ шоссею дорогой самымъ живописнымъ обрывамъ....

За Дарьялъ велись нескончаемыя войны между народами. Половцы отнимали ихъ у Грузинъ, Грузины у Оссовъ, Греки у Персовъ, Турки у Грековъ; Арабы въ VIII вѣкѣ содер-

Видъ Кавказской степи въ пригорной части.

жать въ Дарьялъ свой гарнизонъ. Давидъ Гургасланъ въ V вѣкѣ собираетъ 100,000 грузинскаго войска и беретъ приступомъ Дарьяльскія ворота, защищаемыя Оссами и Хозарами.

Въ XIII вѣкѣ Монголы Чингисъ-хана силою прорываются черезъ Дарьялъ, покоряя всѣ Кавказскія царства, наводняя русскую равнину.

Двукратно двигаются черезъ Дарьялъ и полчища страшнаго Тимуръ-Ленга. Это—единичные примѣры. Въ каждомъ столѣтїи ихъ можно было бы привести нѣсколько....

Всегда и для всѣхъ народовъ, переходившихъ черезъ Кавказъ, Дарьялъ служилъ или воротами защиты, или воротами нападенія, въ одно и то же время — ключемъ отъ Азіи и отъ Европы.

За то же и видалъ виды старыи Дарьялъ, старыи Кавказъ... Можно сказать смѣло, что никакая другая мѣстность міра не имѣла такой разнообразной исторїи. Слѣды этихъ безчисленныхъ историческихъ наслоеній, этого безпримѣрнаго смѣшенія и столкновенія самыхъ противоположныхъ народовъ древняго и новаго міра, сохранились на Кавказскомъ перешейкѣ до нашихъ дней. Казалось, въ его глубокихъ тѣснинахъ, извивающихся среди горныхъ громадъ, въ глухихъ, недоступныхъ котловинахъ его хребтовъ, среди его пропастей и заоблачныхъ вершинъ, въ тучныхъ равнинахъ и роскошныхъ берегахъ, прилегшихъ къ его

титаническимъ твердынямъ и загороженнымъ этими твердынями, какъ неодолимою стѣною, воды непрерывнаго человѣческаго потока, наплывавшаго въ теченіе тысячелѣтій, то съ юга, то съ сѣвера, волей-неволей застрѣвали и оставляли части самихъ себя, наливая среди горъ маленькія и большія озера всевозможныхъ племенъ, языковъ и религій, словно неизбежную историческую пошлину въковому сторожу двухъ материковъ.

3) Кавказъ какъ историческій музей.

Оттого-то Кавказъ представляетъ теперь собою такой музей историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ сокровищъ, какого не встрѣтишь въ цѣломъ мірѣ. Изучить Кавказъ — это значитъ изучить исторію и этнографію почти всего человѣчества. Не только отдѣльные ученые, — какъ бы ни были почтенны ихъ личныя силы, — цѣлыя академіи ученыхъ могутъ изучать Кавказъ десятки лѣтъ, и все-таки не будутъ въ состояніи исчерпать всѣхъ безцѣнныхъ научныхъ матерьяловъ, которыми кишитъ каждая мѣстность, каждая народность Кавказа.

Филологи имѣютъ въ Кавказѣ живой институтъ языковъ, не однихъ только восточныхъ или южныхъ, но и всякихъ другихъ. Въ этой области Кавказъ можетъ повести къ открытіямъ широкой научной будущности, которыхъ нельзя достаточно оцѣнить. Здѣсь можно еще откопать такія нарѣчія, которыя составляютъ первобытныя ступени развитія когда-то общаго всѣмъ народамъ Европы арійскаго языка; здѣсь можно наткнуться на такія сочетанія и сочетанія разнородныхъ теченій человѣческой рѣчи, которыя въ состояніи освѣтить новымъ свѣтомъ глубокія заманчивыя тайны нашего слова. Нельзя сомнѣваться, что въ живомъ этнографическомъ музеѣ Кавказа исторія сохранила намъ образцы всѣхъ послѣдовательныхъ формацій своихъ, точно такъ же какъ природа сохранила послѣдовательныя очереди своихъ когда-то существовавшихъ организмовъ, животныхъ и растительныхъ, въ геологическомъ наслоеніи земныхъ пластовъ. Такимъ образомъ, на Кавказѣ мы можемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, видѣть своими глазами и слышать своими ушами людей, языки и бытъ, исчезнувшіе съ лица остальной земли многія столѣтія тому назадъ и сохранившіеся, почти безъ всякаго измѣненія, въ пустынной дичи ледниковъ какой-нибудь Дигоріи или Сванетіи, точно такъ же какъ въ снѣговыхъ необитаемыхъ пустыняхъ Ледовитаго побережья Сибири мы до сихъ поръ находимъ нѣсколько не измѣнившимися мускулы, шерсть, кости и даже нѣжные нервы допотопныхъ мамонтовъ. Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать многія оригинальныя особенности Кавказскихъ горцевъ, и въ этомъ именно смыслѣ интересоваться ими.

Если бы Тэйлоры, Бастіаны, Гексли и другіе прославленные антропологи наши посвятили Кавказскимъ племенамъ хотя небольшую часть тѣхъ трудовъ и того времени, которые употребили они на ознакомленіе съ обычаями и вѣрованіями первобытныхъ племенъ, разсѣянныхъ по всему земному шару, то они могли бы здѣсь, на небольшомъ пространствѣ и въ сосредоточенномъ видѣ, найти много того, что имъ приходилось собирать по зернышку, то тутъ, то тамъ; конечно, они нашли бы много и такого, что они еще не встрѣчали нигдѣ. Юридическіе и семейные обычай многихъ племенъ Кавказа пахнутъ такими преданіями Ветхаго Завета, что, наблюдая ихъ, вы словно спускаетесь во мракъ временъ, ко днямъ Кира, Навуходносора, или Сезостриса.

Дряхлый пантеизмъ Индусовъ, грозный Іегова древнихъ Израильтянъ, кажутся новизною и высокою ступенію развитія передъ грубымъ трусливымъ фетишизмомъ нѣкоторыхъ современныхъ намъ Кавказскихъ народностей, словно онѣ едва отдѣлались отъ вѣка свайныхъ построекъ и кремневыхъ орудій.

Войдите въ старинную божницу какихъ-нибудь Дигорцевъ или Алагирцевъ, на примѣръ, въ Рекомъ, у аула Цей: пустынный низенькій домикъ изъ громаднхъ бревенъ, весь кругомъ

обвѣшанный рогатыми головами туровъ, обваленный костями и рогами; жители не только приближаются къ нему со страхомъ, но даже произносятъ имя Рекомъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ и лишь въ крайней необходимости. Тяжелая дверь обита заржавленнымъ желѣзомъ; за дверью, въ притворѣ, огромная куча стрѣлъ, копій, сломанныхъ луковъ и колчановъ.

Обвѣтшавшія, почти провалившіяся стѣны храма увѣшаны тлѣющими лохмотьями платьевъ и платковъ; полъ и скамьи засыпаны амулетами и жертвами; тутъ груды стеклянныхъ бусъ, глиняныя фигуры оленей, коровъ, овецъ, гусей и утокъ, бронзовые колокольчики, орѣхи, на нанизанные на нитку, битыя кружки, тарелки, горшки, серебряныя и мѣдныя монеты. Съ наивною вѣрою ребенка несетъ Осетинъ въ свое древнее капище, страшному богу своего племени, все то, чему онъ проситъ защиты и помощи.

А между тѣмъ это — *христіанскій храмъ*; вы различите въ немъ и старую икону св. Уастырджи, т. е. Св. Георгія, патрона храма, и полуразрушенный иконостасъ, раздѣлявшій, по убѣжденію Осетинъ, храмъ ихъ на двѣ части, на адъ и на рай (дзнетъ). Св. Георгій превратился незамѣтно въ языческаго «дзуара», духа-покровителя племени, «домоваго» въ своемъ родѣ, которому приносятъ въ жертву туровъ, оленей, барановъ, среди попоекъ и Олимпійскихъ игрищъ своего рода.

«Уастырджи» (св. Георгій,) — это воинъ, наѣздникъ, стало быть — «*богъ мужчинъ*»; у женщинъ есть другой богъ; у пастуховъ свой богъ; у охотниковъ — тоже свой. Всякій аулъ, всякая сакля имѣютъ особаго бога (дзуара); богу аула строится особая башня, надъ ауломъ (арвягдъ), гдѣ онъ живетъ, откуда онъ охраняетъ аулъ, гдѣ ему молятся и приносятъ жертвы; никто кромѣ жреца, начальника рода, не имѣетъ права войти въ низенькую дверь капища, уставленнаго стаканчиками съ принесеннымъ богу пивомъ, заваленнаго и обвѣшаннаго амулетами. Каждый звѣрь имѣетъ тоже своего бога: «Тутыръ» — это богъ волковъ; «Фанвара» — богъ овецъ; «Овсати» — богъ туровъ и оленей; «Уацилла» — богъ хлѣбовъ и травъ, и т. д. Даже болѣзни имѣютъ своихъ покровителей. Рынь — это богъ заразы; Аларды — богъ оспы; имъ также воздвигаются капища, воспѣваются молитвы, приносятся жертвы. Вообще, каждая вещь, каждое событіе жизни, каждое явленіе природы вмѣщаютъ въ себѣ свое особое божество и повинуются ему. Мудрые старые люди, умѣющіе умиловить этихъ боговъ или святыхъ, знающіе молитвы и обряды про всякій житейскій случай, пользуются высокимъ почетомъ за свое знахарство, и къ нимъ постоянно прибѣгаютъ за помощью. Безъ нихъ не обходится ни свадьба, ни похороны, ни рожденіе ребенка; они заклинаютъ и «святаго паутины», и «святаго волосъ, и ногтей», и «святаго травъ и вѣтровъ», и «святаго червяковъ, жуковъ и змѣй», и «бога болѣзней», и «бога ума и любви», и «святаго спины», и «святаго живота», и «святаго, охраняющаго отъ паденья арбу», и «ангела головы», и «священную цѣпь», и «священный столбъ сакли». Это, однако, религія горскихъ «*христіанъ*» Кавказа, а не язычниковъ; дѣйствительно, они знаютъ и св. Николая (Микаль-Габырта), и св. Ілію, или «Елю» (Уацилла), и Мады-Майранъ, т. е. Мать Марію, Богородицу. Даже Чиристи (Христосъ) настолько не безъизвѣстенъ Осетинамъ, что въ Пасху они рѣжутъ ягненка и пекутъ чуреки. «О, Чиристи! всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ дзнетѣ дашь душамъ ихъ мѣсто», — поютъ при этомъ они, чистосердечно выдавая всѣ свои матеріальные расчеты и наивно смѣшивая Чиристи съ русалками и духами своихъ языческихъ вѣрованій. «О, водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и святая Пасха, наполните домъ этотъ всѣми благами міра! О, святая Пасха, чуреки да будутъ сладки и пріятны тебѣ!...»

Съ такимъ же дѣтскимъ простодушіемъ и такимъ же грубо матерьяльнымъ расчетомъ молится Осетинъ и всѣмъ другимъ богамъ своимъ. Онъ никогда, на примѣръ, не дозволитъ себѣ убить ни одного дикаго животнаго, не испросивъ предварительно позволенія у бога туровъ и оленей. Положивъ на священный камень какого-нибудь утеса три жертвенные сырника, охотникъ прежде всего возноситъ такую мольбу:

«О, Овсати! я, бѣдное созданіе божіе, пришелъ къ подножію твоему, въ надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного бѣднаго оленя или козла. Молю тебя, призри на меня съ высоты своей и выпусти на долю моей винтовки хотя старую козу, негодную для тебя.»

«Звѣрь Овсати» раздастся бѣднымъ аула и всякому путнику, котораго повстрѣчаетъ охотникъ. Иначе Овсати уже никогда не дастъ ему счастья.

Уациллѣ, «хлѣбному богу», или Елѣ, приносится въ жертву баранъ или козелъ, котораго голову и шкуру вѣшаютъ на длинномъ шестѣ, чтобы поближе были къ небу, гдѣ живетъ Еля, на томъ самомъ мѣстѣ, куда ударилъ громъ...

«Уацилла, сегодня твой день, и мы усердно молимъ тебя, помоги намъ, — сдѣлай такъ,

Мингрельскій священникъ.

чтобъ житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха... съ остатками!»—воскликаетъ старикъ, отправляющій роль жреца.

Въ такомъ же родѣ вѣрованія разныхъ Тушинъ, Пшавовъ, Хевсуровъ, Сванетовъ и другихъ «одичавшихъ христіанъ» Кавказа.

Христіанство, принесенное на Кавказъ еще Христовыми апостолами и первыми учениками ихъ, Андреемъ Первозваннымъ, Варфоломеемъ, Симономъ Хананейскимъ, проникло въ горы съ восточнаго побережья Чернаго моря, отъ Византійскихъ Грековъ и Генуезцевъ, точно такъ же, какъ и съ юга, изъ Грузіи, крестившейся еще въ IV вѣкѣ. Но проповѣдь Христа, не поддержанная постояннымъ общеніемъ съ христіанскими странами, особенно послѣ нашествія на Кавказъ разныхъ мусульманскихъ народовъ, только сообщила нѣкоторую своеобразную окраску глубоко укорененному язычеству горцевъ, подавленныхъ силами своей дикой природы, боготворившихъ ее, трепетавшихъ передъ всѣми ея случайностями. Чиристи и Мады-Майрамъ только вошли въ первобытный пантеонъ безчисленныхъ божествъ горца и прибавили лишнее заклинаніе, лишній фетишъ колдунамъ и жрецамъ. Грамотности не было, книгъ не было, священниковъ не было, или было такъ мало, что когда умиралъ одинъ, его замѣняли безграмотные старики, по памяти повторявшіе христіанскія молитвы и исказившіе ихъ въ теченіе вѣковъ до тѣхъ языческихъ заклинаній, которыя мы только что привели.

Эти «папары» и «деканозы», родовые жрецы, сдѣлались мало-по-малу главными разсидителями язычества въ горахъ, главными врагами истиннаго христіанства, вездѣ куда не успѣла пробиться Магометова вѣра.

Восточный Кавказъ омуслиманился почти весь; Персы и Арабы, проходившіе Каспійскими воротами, уже начиная съ VII вѣка, обращаютъ въ исламъ береговья ханства Кавказа, жителей Дагестана и Чечни. Только небольшія племена Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ, граничившія съ Грузіей, удержали свое «языческое христіанство». Но мусульманство Кавказскихъ горцевъ проникнуто тѣмъ же первобытнымъ язычествомъ, какъ и христіанство.

Религія огня, глубочайшей древности, можетъ быть непосредственно слѣдовавшая за грубымъ первобытнымъ фетишизмомъ, точно также уцѣлѣла на Кавказѣ. Въ историческое

время вся Армения и Грузія держались этой религіи. Въ Тифлисѣ до сихъ поръ видны остатки храма маговъ, т. е. огнепоклонниковъ, около Петханской церкви Армянъ, недалеко отъ старой крѣпости. Когда въ IV вѣкѣ христіанство проникало на Кавказъ, то оно должно было бороться больше всего съ этою религіею Ормузда или Арамазда, какъ его называли Армяне, разрушать кумирни огня и изгонять волхвовъ...

Въ Тильсѣ, Еризѣ и Ани находились главныя капища огнепоклонниковъ, полныя въ то же время языческихъ кумировъ, среди которыхъ Юпитеръ былъ обращенъ въ Арамазда (Ормузда). Значитъ, сохранившійся до нашихъ дней культъ огня полунищихъ Бакинскихъ Гвевровъ представляетъ собою только жалкій, одинокій обломокъ когда-то повсѣмѣстно господствовавшихъ народныхъ вѣрованій Кавказа, торжественно воздвигавшихъ богу-огню великолѣпныя храмы и жертвенники....

Еще одна первобытная религія оставила на Кавказѣ глубокіе слѣды, не стертые до сихъ поръ всѣми тревоженіями его исторіи. Народы Кавказа во множествѣ мѣстъ до сихъ поръ поклоняются священнымъ дубамъ и рощамъ, какъ поклонялись имъ когда-то Кельты, Литовцы, Эпирцы и другіе старые народы Европы. Культъ священныхъ деревьевъ уцѣлѣлъ даже въ сравнительно образованныхъ странахъ, какъ въ Мингреліи, Имеретіи, Кахетіи, Абхазіи, этихъ странахъ могучихъ титаническихъ деревьевъ, не рѣдко вѣнчающихъ зеленые холмы. Еще Апостолъ Андрей Первозванный, по преданію Грузинъ, рубилъ сѣкирою эти тысячелѣтнія лѣсныя божества, и древній Мингрельскій монастырь Мартвили, когда-то бывшій священной рощею туземцевъ, сохранилъ эти отдаленныя воспоминанія исторіи не только въ старомъ названіи своемъ Дчконъ-Диди (Большой-дубъ) и въ названіи своихъ епископовъ, Дчкондилели, т. е. епископы изъ страны дубовъ, но и въ подлинныхъ исполнскихъ липахъ, быть можетъ, бывшихъ свидѣтелями подвиговъ Апостола.

Такіе же патріархи лѣсовъ до сихъ поръ вѣнчаютъ въ торжественномъ одиночествѣ множество другихъ, давно оголенныхъ холмовъ Кавказа, охраняемые суевѣрнымъ благоговѣніемъ жителей, которые еще не вполне разорвали свою душевную связь съ языческими вѣрованіями старины, и все еще продолжаютъ смотрѣть на этихъ титановъ растительнаго царства, какъ на таинственныя божества своего рода....

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кавказа цѣликомъ еще сохранились обряды поклоненія священнымъ деревьямъ; вокругъ нихъ собираются въ извѣстные праздники, приносятъ имъ въ жертвы животныхъ, поютъ молитвы, ставятъ въ ихъ дупла образа, благоговѣнно обводятъ ихъ, по грузинскому обычаю, нитками, словно стѣны храма....

Древнее принесеніе кровавыхъ жертвъ вообще сохранилось даже въ строго-христіанской Грузіи, и нѣтъ ни одного народнаго праздника, ни одной старой часовни, гдѣ бы ни рѣзались бараны или пѣтухи на притворѣ церкви, во славу Божію... Въ церкви одного Грузинскаго селенія въ извѣстный день рѣжется до 3,000 пѣтуховъ....

Чинаровыя роши, окружающія знаменитый въ исторіи Армянъ городъ Ани, почитались священными во всемъ Армянскомъ народѣ, съ глубочайшей древности, до того, что имъ былъ посвященъ и даже принесенъ въ жертву царь Анушеванъ....

Еще одна религія глубокой древности, — Моисеева, — проникла на Кавказъ въ незапамятныя времена и съ изумительною стойкостью удержалась въ немъ до сихъ поръ. Не только Армения Грузія, Имеретія имѣютъ множество еврейскихъ селеній, но даже въ глуши Кавказскихъ горъ есть многочисленныя аулы горскихъ Евреевъ.... Кроме того, нѣкоторыя племена Дагестана, какъ напримѣръ Андійцы, Табасаранцы, а въ Сванетіи Лохмульцы, по темному преданію, считаются еврейскаго происхожденія. Вообще, все заставляетъ думать, что Евреи обитали на Кавказѣ съ глубочайшей древности и что они составляли когда-то одно изъ господствовавшихъ туземныхъ населеній. Разныя азійскіе завоеватели разселяли ихъ изъ Палестины между Каспіемъ и Чернымъ моремъ еще гораздо ранѣ Навуходносорова плѣненія Вавилонскаго, и когда Зорова-

вель собралъ въ Иерусалимѣ для возобновленія храма 50,000 Евреевъ, а потомъ при Артаксерксѣ Долгорукомъ Ездра привелъ въ Иерусалимъ новый караванъ Евреевъ, то Евреи эти составляли только небольшую часть всего племени, оставшагося на мѣстахъ своихъ разновременныхъ «плѣненій». Вслѣдствіе этого, путешественники и писатели первыхъ временъ христіанства находили огромныя массы Евреевъ въ Арменіи, Грузіи, Дагестанѣ. Въ IV вѣкѣ нашей эры, Февствъ Византійскій нашелъ въ Армянскомъ городѣ Зараханѣ 8,000 еврейскихъ семействъ на 5,000 армянскихъ, въ Еруандашатѣ 30,000 домовъ, въ Нахчаванѣ 16,000 и т. д. Сами цари Армянскіе и Грузинскіе изъ племени Багратидовъ (Багратіоновъ) были Евреи, потомки царя Давида. Св. Нина, просвѣтительница Грузіи, нашла множество Евреевъ, еще говорившихъ на древне-библейскомъ языкѣ, въ Мцхетѣ и другихъ городахъ Грузіи, и этимъ, отчасти, объясняется быстрый успѣхъ христіанства на Кавказѣ.

Оттого-то Мцхетъ связанъ съ древнѣйшею христіанскою легендой о пребываніи въ немъ хитона Спасителя, а еврейскія преданія о потопѣ и Ноѣ приурочены къ Кавказскому Арарату. Большое сходство грузинскаго типа съ еврейскимъ, множество словъ еврейскаго корня въ грузинскомъ языкѣ, даже самое названіе Грузіи—Иберъ (Еверъ), видоизмѣненное въ Имеръ (Имеретія),— все это показываетъ, что Евреи съ глубочайшей древности участвовали какъ составная часть Кавказскихъ народностей.

Они до сихъ поръ еще вмѣшиваютъ въ свою рѣчь слова библейскаго языка, давно забытаго ихъ соплеменниками другихъ странъ, до сихъ поръ называютъ сыновей и дочерей своихъ тѣми самыми именами, которыми называли себя Евреи еще въ дни странствованія по пустынѣ, въ дни своихъ судей и первыхъ царей,—именами, давно исчезнувшими изъ употребленія другихъ Евреевъ. До сихъ поръ, принимая гостя, обмываютъ ему ноги и закалываютъ барана. О магометанствѣ, о христіанствѣ Кавказа и говорить нечего: тутъ Персы-шіиты, Татары-сунниты, тутъ горцы разныхъ мусульманскихъ сектъ, тутъ православные Грузины, Армяне-грегоріанцы, Армяне-католики, не считая всякихъ Русскихъ-сектантовъ, Нѣмцевъ-лютеранъ и пр., и пр. Въ Кавказской Арменіи есть даже секта іезидовъ, поклонниковъ дьявола, которыхъ, конечно, не встрѣтишь ни въ какой другой области Россіи. Оттого-то Кавказъ чистый кладъ для археологовъ. Тутъ можно зарыться на всю жизнь въ разнороднѣйшихъ памятникахъ древности.

А такъ какъ изученіе этихъ памятниковъ тутъ происходитъ не въ залахъ академической коллекціи, а въ дикихъ тущобахъ горъ, въ очаровательныхъ долинахъ цвѣтущаго, плодами обильнаго юга, въ оригинальныхъ восточныхъ городахъ, то рѣдко гдѣ археологическая любознательность является въ такой живой формѣ, какъ на Кавказѣ, рѣдко гдѣ можетъ доставить большее наслажденіе...

Отъ циклопическихъ долменовъ рѣкъ Пшадра и Джубы, пещерныхъ городовъ Товина или Уплисъ-Цихе, первобытныхъ усыпальницъ Мцхета, до римскихъ сооружений, языческихъ капищъ, средневѣковыхъ башенъ, византійскихъ храмовъ, персидскихъ дворцовъ,—вы можете изучать въ разныхъ уголкахъ Кавказа всевозможные образцы человѣческаго искусства всякаго времени, всякихъ народовъ...

Хотите, отправляйтесь черезъ дебри и пропасти въ заоблачную дичь Вольной Сванетіи, посмотрѣть ея громадныя, 5, 6, 7 и даже 9-ти этажныя башни, на постройку которыхъ собирались цѣлыя общины, и которыя строились цѣлые года... По колыхающемуся мостику изъ лѣанъ дикой виноградины, который подбрасываетъ васъ какъ стальныя пружины, качается и гнется будто паутина надъ влоочущею бездною какого-нибудь Ингура, переберитесь, если не закружится голова, и если выдержатъ ноги, въ эти глухія и непроходимыя ущелья, поднимающіяся мало-по-малу къ самымъ ледникамъ Кавказскаго хребта, гдѣ живутъ никѣмъ не посѣщаемые, никого не видавшіе въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ вольные Сванеты, смѣлые охотники на туровъ, вѣчные воины и вѣчные разбойники. Тамъ каждая деревенька, прилѣпив-

шаяся къ обрыву пропасти, ничто иное какъ кучка башень, недоувѣрчиво столпившихся вмѣстѣ, готовыхъ ежеминутно къ защитѣ и нападенію... Опасность грозитъ тамъ не только отъ чужесельца и иноплеменника, отъ какого-нибудь Карачаевца, который перебирается съ дерзостью и ловкостью шакала черезъ вѣчные льды хребта, отъ сѣверныхъ склоновъ Кавказа на южный, отгонять табуны и стада Лохмульцевъ или Ушкульцевъ. Нѣтъ,—опасность даже въ своемъ собственномъ племени, даже въ собственномъ селеніи своемъ, не отъ ближняго, такъ дальняго сосѣда, съ которымъ сталкивается законъ кровавой мести и старые семейные счеты.

Оттого-то мирныя жилища человѣка уже многіе вѣка тому назадъ здѣсь оцетинились въ неприступныя башни безъ дверей и оконъ, что угрожающе стоятъ другъ противъ друга, настороживъ луки и фитильныя ружья въ узкія отверстія бойницъ, втащивъ наверхъ то громадное, многосажненное бревно съ вырубленными ступенями, по которому только и возможно вскарабкаться на высоту 30 аршинъ.

Башни Сванетовъ, у родовитыхъ старинныхъ фамилій, достигаютъ до 80 футъ вышины и служатъ, съ незапамятныхъ временъ, настоящими осадными дворами. Внизу башни подвалъ, который очень часто служитъ тюрьмою, гдѣ до сихъ поръ сохраняются цѣпи съ ошейниками для плѣнниковъ...

Въ нижнемъ этажѣ хлѣбный складъ или конюшня для скота; повыше большая комната для торжественныхъ сборищъ, для пиршества съ гостями.

Она обвѣшана турьими рогами, среди нея разводится очагъ. Въ остальныхъ ярусахъ спятъ хозяева и домочадцы ихъ, хранятся боевые и домашніе припасы, тутъ же бываетъ и кухня, и доморощенная винокурня, гдѣ въ огромныхъ чугунныхъ ящикахъ, въ родѣ котловъ, варится незамѣнимая для горцевъ *арака*. Самый послѣдній ярусъ обыкновенно служитъ сторожевымъ покоемъ, изъ котораго, по очереди, поднимаются на дозоръ, на верхнюю площадку башни, вооруженные воины. Площадка окружена со всѣхъ сторонъ узкими бойницами, черезъ которыя можно на далеко видѣть окрестность и отстрѣливаться отъ врага.

Такия же громадныя родовыя башни наполняютъ аулы Дигорцевъ и разныхъ другихъ воинственныхъ горцевъ Кавказа.

Но кромѣ этихъ отдѣльныхъ башень, Кавказскія горы, Кавказскія ущелья, повсюду усеяны развалинами замковъ, совершенно напоминающими средневѣковыя рыцарскіе замки Рейна, Неккара, Дуная... Эти романтическія развалины вѣнчаютъ обыкновенно господствующія вершины скалъ у входа въ долины или надъ крутымъ поворотомъ рѣки. Онѣ сообщаютъ необыкновенно характерную живописность безъ того поразительно живописнымъ видамъ Кавказа и одѣваютъ какимъ-то поэтическимъ колоритомъ суровую дикость его природы. Развалины эти вы видите не только на горахъ большой Кавказской цѣпи, но и въ такомъ же множествѣ за Кавказомъ, въ Карталиніи, Имеретіи, Кахетіи, гдѣ онѣ провожаютъ теченіе Куры, Ріона, Алазани, гдѣ онѣ торчатъ на каждомъ лѣсистомъ холмѣ.

Въ городахъ вмѣсто замковъ уже большія крѣпости, и крѣпости, какихъ давно не видятъ Европа. Онѣ еще напоминаютъ Іерихонъ или Ниневію...

Зубчатыя высокія стѣны съ башнями лѣплятся иногда въ нѣсколько колець по всѣмъ изгибамъ обрывистой скалы, на которыхъ обыкновенно гнѣздятся онѣ и служатъ естественнымъ акрополемъ для остальнаго города, домики каменные котораго облегаютъ кругомъ эту вооруженную, центральную скалу, тѣснящимися толпами, какъ овцы защищающаго ихъ пастуха. Таковъ обычный видъ всѣхъ старыхъ азіатскихъ городовъ Закавказья, Тифлиса, Гори, Сигнаха Дербента...

Но есть на Кавказѣ укрѣпленія еще болѣе древнія. Не будемъ уже говорить о той стѣнѣ, которая съ глубокой древности,—по меньшей мѣрѣ отъ времени первыхъ Скифскихъ наше-

ствіи на Азію, въ VI и VII вѣкѣ до Рождества Христова, — была воздвигнута на подобіе знаменитой китайской стѣны, на подобіе римской стѣны, сооруженной когда-то въ Британіи противъ Пиктовъ и Скоттовъ, противъ кочевниковъ южной Россіи, отъ «Каспійскихъ воротъ» Дербента до Кавказскихъ воротъ Дарьяла, и которой обрывки уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ на недоступныхъ высяхъ восточнаго хребта.

Гораздо интереснѣе другая, болѣе оригинальная, болѣе первобытная форма укрѣпленій — пещерные города, въ родѣ Вардзіа, Уплись - Цихе и пр.

Когда вы подъѣзжаете по берегу Куры къ желтоватымъ известнякамъ Уплись - Цихе, этой Божьей крѣпости, до сихъ поръ глубоко почитаемой Грузинами, — вы долго не можете дать себѣ отчета, что такое передъ вами?.. Отвѣсная и одинокая «Столовая» гора кажется вамъ вся выточенная внутри будто ячейками медоваго сота...

Это зіяютъ черныя отверстія пещерныхъ жилищъ, которыхъ переднія стѣнки теперь обрушились, изглоданныя временемъ, и обнажили когда-то скрытое нутро пещернаго города...

Теперь можно пересчитать всѣ эти многочисленныя ярусы его когда-то темныхъ и безопасныхъ келеекъ, висящихъ высоко надъ обрывами рѣки....

Поднимитесь наверхъ, по такой же скрытой въ скалѣ, въ скалѣ вырубленной траншеѣ, ловко и постепенно вьющейся на самое плоское темя скалы... Вы очутитесь въ цѣломъ лабиринтѣ подземныхъ жилищъ, этажами чередующихся другъ надъ другомъ, съ переходами, лѣсенками, улицами, окнами, колоннами, цистернами, искусною каменною рѣзбою.. Тутъ и грубыя пещеры для скота, и дворецъ въ два этажа съ изящными потолками, нишами, каменными сидѣньями, и просторный храмъ для молитвы. Весь этотъ, въ камнѣ спрятанный, изъ камня выдолбленный, городъ защищенъ сверху башнями и стѣнами и сообщается съ водами рѣки искусно просверленнымъ сквозъ всю толщу горы подземнымъ тайникомъ, обычнымъ средствомъ обороны всѣхъ старыхъ Кавказскихъ крѣпостей...

Трудно сомнѣваться, каковы бы ни были позднѣйшія наслоенія въ работахъ подобныхъ крѣпостей, что первоначально онѣ возникли въ эпоху, когда люди еще не умѣли или не смѣли строить своихъ жилищъ наружу, когда онѣ еще не успѣли отвыкнуть отъ преданій своего «пещернаго періода», гдѣ звѣрь былъ еще полноправнымъ соперникомъ и товарищемъ человека.

Недаромъ легендарный основатель Грузинскаго царства, Картлосъ, правнукъ Ноевъ, называется въ старыхъ лѣтописяхъ основателемъ именно пещернаго, а не какого-нибудь другаго города.

Недаромъ и у многихъ жителей Кавказа такъ живо еще сохранились преданья о пещерномъ бытѣ.

«Давнымъ давно жилъ человекъ Солса. Люди жили тогда подъ землею въ большихъ пещерахъ, выложенныхъ камнемъ. Эти пещеры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились до сихъ поръ. Однажды Солса проѣзжалъ по подземелью и ему встрѣтилась на дорогѣ тазовая кость человѣческая, такая большая, что Солса на конѣ проѣхалъ сквозъ нее». — говоритъ одна изъ старыхъ Ингушскихъ легендъ, очевидно еще вся насквозъ пропитанная воспоминаніями подземнаго быта людей-исполиновъ.

Памятники религіозныхъ вѣрованій еще обильнѣе разсѣяны по горамъ и ущельямъ Кавказа, чѣмъ памятники войны.

Даже на заоблачныхъ кручахъ, въ сосѣдствѣ съ вѣчными льдами, гдѣ обрѣвшему путешественнику чудится, что все живое, все человѣческое давно покинуто имъ тамъ далеко внизу, гдѣ онъ охваченъ кругомъ бѣлыми полями вѣчной смерти да безмолвными суровыми утесами, выше которыхъ только бездонная пучина неба, — онъ вдругъ съ изумленіемъ натывается на какой-нибудь каменный замшившійся крестъ, уже успѣвшій вроссти глубоко въ скалу, на какую-нибудь часовню съ византійскимъ сводомъ, съ изображеніемъ Св. Георгія.

Подъ самыми глетчерами Казбека стоятъ развалины Виолеемскаго скита, еще полныя слѣдовъ пребыванія отшельниковъ... Немного пониже, надъ пропастями Терека, цѣлый, сохранившійся, хотя давно опустѣвшій монастырь Св. Троицы, Самеба Цминда...

Въ глухихъ дебряхъ мусульманскаго Дагестана, гдѣ еще въ VII вѣкѣ была истреблена Христова вѣра, въ мрачномъ ущельѣ Аварскаго Кой-су, я вдругъ былъ пораженъ неожиданнымъ видомъ греческаго храма, совсѣмъ спрятаннаго въ лабиринтѣ скалъ... Его пощадила даже рука фанатиковъ Шамилева мюридизма. И вездѣ, вездѣ такъ: въ Осетин, въ Дигорин, въ Сванетин, въ Абхазин...

Суевѣрный дикарь-горець, кто бы онъ ни былъ, магометанинъ или христіанинъ, одинаково благоговѣетъ передъ этими таинственными реликвіями старины, которыя онъ почитаетъ пребываніемъ какого-нибудь грознаго духа, какого-нибудь могучаго божества. Почти всегда такіе кресты, камни, часовни бываютъ обвалены жертвами горцевъ, — рогами, амулетами, съѣстными припасами... Ни путникъ, ни охотникъ, ни пастухъ не осмѣливается проходить мимо, не принеся умиловительной жертвы невидимому существу, которое во гнѣвѣ своемъ можетъ сейчасъ же наслатъ на голову нечестиваго грома и бури, и мракъ, и всякія смертельныя опасности, о которыхъ только и думается въ этомъ царствѣ снѣговъ, пропастей и дикаго звѣря...

На перевалѣ изъ Сванетин въ Осетию, на высотѣ 15,000 футовъ, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, стоитъ столбъ изъ большихъ шиферныхъ плитъ, внутри котораго спрятаны иконы, который осыпанъ кругомъ турьими рогами и бронзовыми наконечниками стрѣлъ. Эти стрѣлы несомнѣнно свидѣтельствуютъ о глубочайшей древности, въ которой приносились жертвы богамъ страшнаго перевала.

Сванеты, Осетины до такой степени проникнуты мистическимъ взглядомъ на древніе памятники религій, — часовни и храмы свои, что ни сами не смѣютъ входить въ нихъ, и не дозволяютъ прикоснуться къ нимъ чужеземцу. Только «папары», ихъ наслѣдственные жрецы, вправѣ проникать въ святилище, которое они обязаны строго оберегать отъ сторонняго глаза. Сванеты собираются толпами, обнажаютъ кинжалы, заряжаютъ винтовки, если кто-нибудь изъ путешественниковъ собирается посѣтить какой-нибудь изъ ихъ древнихъ горныхъ храмовъ... Ничего не помогаетъ въ этомъ случаѣ, ни вмѣшательство начальниковъ, ни уговоры священника, которому самому они болѣею частью не довѣряютъ ключей церкви, предоставляя хранить ихъ по наслѣдству семействамъ своихъ полуязыческихъ папаровъ...

Эти древнія христіанскія святыни иногда полны иконъ и украшеній самыхъ далекихъ вѣковъ. Грузія, Мингрелія, Имеретія, Кахетія еще болѣе переполнены храмами и часовнями. Нѣкоторые изъ нихъ такъ древни, что, по свидѣтельству археологовъ, обращены прямо изъ языческихъ храмовъ... Оригинальный храмъ Бобдійскаго монастыря, близъ Сигнаха, гдѣ покоится прахъ многихъ Кахетинскихъ царей и Грузинскихъ католикосовъ, гдѣ покоятся и мощи Св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, построенъ, на примѣръ, еще первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи, Миріаномъ, въ началѣ IV вѣка.

Мартвильскій монастырь Мингрелин, пожалуй, еще древнѣе, потому что основаніе его приписывается самому апостолу Андрею Первозванному.

Берегъ Чернаго моря, ближе къ устью Ріона, покрытъ частію уцѣлѣвшими, частію развалившимися монастырями и храмами, можетъ быть, еще первыхъ вѣковъ христіанства, въ родѣ знаменитаго храма Пицунды, Хопи и др.

Но самыми характерными и наиболѣе полными воплощеніями средневѣковаго архитектурнаго искусства Грузіи служатъ развалины собора Баграта въ Кутаисѣ, Гелатскій монастырь, монастыри Мцхета, древней столицы Грузіи, и Сіонскій соборъ Тифлиса.

По ихъ типу, съ удивительнымъ постоянствомъ, доходящимъ до однообразія, воздвигнута вся безчисленная масса церквей, покрывающихъ разныя области Грузіи. Типъ этотъ, приняв-

шій въ основу крестообразную греческую базилику и высокій круглый сводъ, отличается съ перваго взгляда отъ родственныхъ ему типовъ византійскаго и русскаго, восьмиугольною пирамидою своей высокой крыши, короткимъ приниженнымъ крестомъ и необыкновенно узкими «щельными» окнами, длиною почти во всю высоту церковной башни... Безцѣнныя фрески и мозаики сѣдой старины, богато убранныя иконы и рукописныя Евангеліи первыхъ вѣковъ христіанства — составляютъ ничѣмъ незамѣнимое археологическое сокровище этихъ прославленныхъ народныхъ святынь Грузіи... Гдѣ бы вы ни ѣхали по Грузіи, непременно примѣтите на какомъ-нибудь живописномъ выступѣ горы выглядывающую изъ зелени часовню или церковь далекихъ старыхъ вѣковъ. И къ каждой такой заброшенной часовнѣ непременно, хотя разъ въ годъ, собираются въ опредѣленные дни усердные богомольцы почтить память давно чествуемаго тутъ святаго; оживляются пустынные заросшія тропы въ зеленой глуши лѣса, разбиваются палатки, разстилаются ковры и войлоки, удалые ѣздники верхами, женщины и дѣти въ длинныхъ скрипучихъ арбахъ, укрытыхъ цвѣтными завѣсами, — со всѣхъ сторонъ собираются къ священному мѣсту; мшистый притворъ маленькой, полуразрушенной церкви, среди которой уже вырастаютъ кусты и деревья, наполняются кувшинами и бурдючками жертвеннаго вина, баранами, пѣтухами, лепешками; отсырѣвшіе камни стѣнъ, на которыхъ только кое-гдѣ удержалась островами штукатурка съ поблекшими старинными фресками, утыкиваются множествомъ горящихъ и капающихъ восковыхъ свѣчекъ, тоненькихъ, какъ соломенка, и на большомъ дикомъ камнѣ, когда-то замѣнявшемъ престолъ алтаря, священникъ сосѣдней церкви служить безхитростную церковную службу, въ обстановкѣ первобытныхъ христіанъ, среди богомольцевъ такой же первобытной простоты, такой же первобытной наивности....

А сейчасъ послѣ службы, — веселое пированіе на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнью дубовъ, у журчащаго горнаго ключа, безконечныя здравицы, безконечныя винныя возліянія, лезгинка подъ тактъ весело хлопающихъ ладошей, игры, крики, смѣхъ, выстрѣлы изъ ружей и удалая джигитовка....

4. Карта Кавказа.

Высокій интересъ, представляемый Кавказомъ съ точки зрѣнія его многообразныхъ древностей, его историческихъ судебъ, его лингвистическихъ и этнографическихъ особенностей, можетъ сравниться только съ такимъ же интересомъ его для натуралиста, географа и экономиста.... Настоящее Кавказа нисколько не уступаетъ его поэтическому и поучительному прошлому.... Кавказская горная стѣна перерѣзываетъ поперекъ перешеекъ между Азією и Европою пятерною цѣпью хребтовъ: хребтомъ снѣговымъ, двумя хребтами каменными и двумя хребтами лѣсными, постепенно уменьшающимися въ своей вышинѣ отъ заоблачныхъ вѣчныхъ льдовъ къ лѣсамъ и травянымъ степямъ равнинъ.

Черное море омываетъ западный, Каспійское море — восточный край этой гигантской стѣны, Богомъ воздвигнутой между двумя мірами.... Нигдѣ не прерывается главный срединный хребетъ, поднятый до 18,000 футъ надъ поверхностью моря; только глубокія ущелья большихъ рѣкъ, выбивающихся изъ-подъ ледниковъ величайшихъ горныхъ исполиновъ — Казбека, Эльборуса, Пасисъ-Мты, настолько врѣзаются въ толщи горъ, что изъ нихъ съ великими трудностями, съ великими опасностями, все-таки издавна было возможно карабкаться на переваль и спускаться въ долины противоположнаго ската....

Терекъ съ сѣвера, Арагва, бросающаяся въ Куру, съ юга, — ближе всѣхъ сходятся своими истоками въ окрестностяхъ царственной вершины Мкинвари, нашего Казбека, — и оттого раньше всѣхъ долины ихъ соблазнили жителей къ перевалу черезъ хребетъ.

Это — древній Дарьяльскій путь, Военно-грузинская дорога Ермолова, которая раздѣляетъ почти пополамъ хребты Кавказа. Направо (если ѣхать изъ Россіи) — западный, налево — восточный

Кавказъ, — недавно еще правый и лѣвый флангъ нашихъ пограничныхъ линій, нашей молодецкой Кавказской арміи.

Терекъ, выйдя изъ горъ, рѣзко поворачиваетъ на востокъ къ Каспійскому морю; Кубань, зачавшись въ ледникахъ Эльборуса, и нѣкоторое время бѣгущая параллельно Тереку, по выходѣ изъ горъ, тоже поворачиваетъ круто, но уже не къ востоку, а къ западу, къ Черному и Азовскому морямъ, куда и падаетъ, охвативъ своими рукавами полуостровъ Тамань. Только узкое пространство между поворотами Терека и Кубани остается не отрѣзаннымъ отъ Русской равнины; на всемъ остальномъ протяженіи Кавказскаго перешейка Кубань и Терекъ составляютъ живой рубежъ, за которымъ Россія издавна могла удобно сторожить свои области отъ набѣговъ Кавказскихъ хищниковъ.

На Кубани явилась одна линія русской пограничной стражи, многочисленныя и многочисленныя станицы Черноморскаго казачества, переселившася сюда изъ разореннаго Запорожья; на Терекѣ другая, болѣе ранняя, линія такихъ же военныхъ поселенцевъ, — Терскихъ или Гребенскихъ казаковъ, еще при Петрѣ защищавшихъ наши поволжскіе русскіе города отъ азіатовъ Кавказа....

Въ промежуткѣ между этими двумя природными рубежами, для защиты русской равнины, Петръ I поставилъ Ставрополь, а потомъ, въ томъ же промежуткѣ, еще ближе къ Кавказу, появились русскія крѣпости Георгіевскъ, Нальчикъ, и развилась группа лечебныхъ городковъ: Пятигорска, съ его сосѣдями — Кисловодскомъ, Желѣзноводскомъ, Есентуками. Таково было первое желѣзное кольцо русскаго владычества, охватившее Кавказъ съ сѣвера. Петръ постигъ своимъ гениальнымъ взглядомъ торговое и военное значеніе Каспійскаго побережья, гдѣ былъ самый старый и самый доступный изъ всѣхъ проходовъ Кавказа—Дербентскій, гдѣ коренилась вся сила мусульманскаго вліянія на Кавказъ Персін, и вся сила ея торговли. Петръ сталъ охватывать Кавказъ именно съ этой стороны, все далѣе, все смѣлѣе простирая свою могучую руку къ Решту, къ Мазандерану, все рѣшительнѣе отдѣляя Кавказскихъ горцевъ отъ сообщенія съ Азіей.... Когда, къ началу XIX вѣка, обезсиленные вѣчною борьбою съ исламомъ Грузинскія царства Закавказья одно за другимъ стали отдаваться въ подданство Россіи, открывалась возможность охватить непокорныхъ хищниковъ Кавказскаго хребта еще и съ юга, отъ плодоносныхъ долинъ Куры, Алазани, Арагвы, Ріона, Лиахвы, Ингура, гдѣ уже давно стояли на сторожѣ противъ горцевъ старыя грузинскія крѣпости....

Желѣзное кольцо замыкалось все болѣе и болѣе, и, наконецъ, при Императорѣ Николаѣ, послѣ рѣшительнаго погрома главныхъ защитниковъ ислама, Турціи и Персін, кольцо было окончательно замкнуто, и рядъ крѣпостей по берегу Чернаго моря совсѣмъ оторвалъ древній Кавказъ отъ объятій Азіи.

Судьба его была рѣшена.

Хотя Кавказскія горы населены безчисленнымъ множествомъ племенъ, не понимающихъ даже языка другъ друга, никогда не сообщающихся другъ съ другомъ, но все-таки племена эти можно свести въ нѣсколько болѣе крупныхъ единицъ.

Сейчасъ за Терекомъ, лицомъ къ лицу съ Гребенскимъ казакомъ, сидятъ аулы Чеченцевъ, неутомимыхъ и неукротимыхъ разбойниковъ, память о которыхъ еще вѣка будетъ жить въ казачьихъ пѣсняхъ, въ казачьихъ сказаніяхъ.

Чеченцы и Ингуши занимаютъ Терскую равнину, по правую сторону рѣки, и сѣверныя предгорья. Южнѣ ихъ, по недоступнымъ ущельямъ Кавказа, гнѣздятся многочисленныя вѣтви Лезгинскаго племени, населяющія Дагестанъ: Аварцы, Казикумыхи, Андійцы, Дидойцы, Табасаранцы и разныя другія. Это наиболѣе мусульманское и наиболѣе типическое племя Кавказскихъ горцевъ. Ближе къ Каспійскому морю, особенно на юго-востокъ, къ Лезгинамъ примѣшиваются Татары и Персы, которые въ значительномъ количествѣ населяютъ бывшія ханства Дербентское, Кубинское, Нухинское, шамхальство Тарковское, окаймляющія

берега Кавказа. Напротивъ того, къ юго-западу отъ Дагестана, въ сосѣдствѣ съ Грузіей, живутъ по неприступнымъ горамъ остатки христіанскихъ горцевъ, воинственные Тушины, Пшавы, Хевсуры. Осетины занимаютъ середину между восточнымъ и западнымъ Кавказомъ, между Дагестаномъ и Черкессіей.

Верхнее теченіе Терека и военно-грузинская дорога идутъ среди Осетинскихъ ауловъ. Они занимаютъ часть плоскости около Владикавказа и глубокія горныя долины Фіагъ-Дона, Аръ-Дона, Наръ-Дона, Гизель-Дона и разныхъ другихъ многочисленныхъ Доновъ, до Черкесскихъ племенъ. Дигорцы составляютъ ихъ самую крайнюю и самую недоступную вѣтвь. Осетины захватили даже часть южнаго склона Кавказа по долинѣ Лиахвы и ея сосѣдей. Впереди Осетинъ, на плоскости, сдавленная съ востока Терскими казаками, съ запада Кубанскими, живетъ Кабарда, Большая и Малая. Группа Пятигорскихъ минеральныхъ водъ въ самомъ центрѣ Кабарды. Затѣмъ, по горамъ Западнаго хребта, начинается собственно страна Черкесовъ или Адиге, оплотомъ противъ которыхъ служила рѣка Кубань съ ея воинственными станицами.

Тутъ всякіе Абадзехи, Карачаевцы, Бжедухи, Убыхи, Шапсуги чередуются другъ съ другомъ, до самыхъ волнъ Чернаго моря.

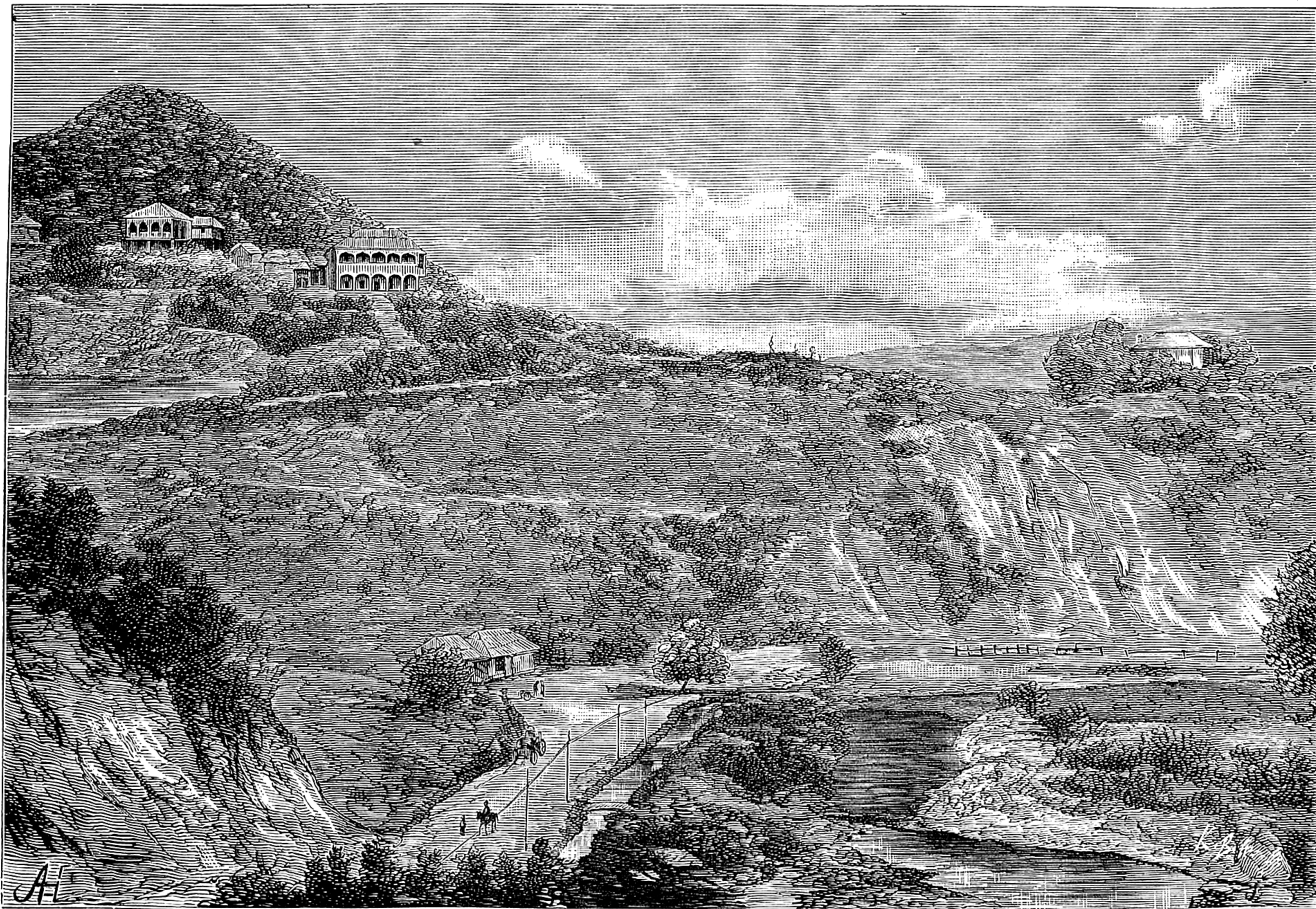
Но ихъ осталось очень мало, послѣ выселеній въ Турцію, гораздо меньше, чѣмъ Лезгинъ въ Дагестанѣ. Многія племена даже исчезли вовсе съ лица Кавказа. Особенно опустѣло когда-то кишѣвшее мелкими черкесскими племенами гористое плодородное побережье Чернаго моря.

На противоположномъ Черкессіи, т. е. южномъ склонѣ хребта, въ углѣ моря, живутъ разныя племена Абхазовъ, Цебельда, Самурзаканцы, сливаясь незамѣтно съ роскошными прибрежными долинами Абхазіи; потомъ—Сванеты, по долинѣ дикаго Ингура, горныя Грузины и, наконецъ, Осетины, о которыхъ мы уже говорили. Это населеніе Кавказскаго хребта.

За нимъ стелется собственно Закавказіе, страна старыхъ Грузинскихъ царствъ. Какъ Терекъ съ Кубанью служатъ естественными передовыми траншеями, оберегающими доступъ съ сѣвера къ природнымъ твердынямъ Кавказа, такъ съ юга служатъ имъ такою же защитой двѣ большія рѣки, почти сходящіяся своими верховьями, Кура и Ріонъ.

Кура — это рѣка степной Азіи, текущая среди сухихъ равнинъ къ мертвому Каспію, на встрѣчу востоку, монгольству, исламу. По ней сидятъ внизу старинныя татарскія ханства, по ней двигаются караваны верблюдовъ и царитъ кругомъ пастушество. Ріонъ — совсѣмъ наоборотъ, бѣжитъ къ западу, къ торговымъ берегамъ Чернаго и Средиземнаго моря, поближе къ дѣятельнымъ народамъ Европейскаго юга, къ Греціи и Итали; его роскошная долина, загороженная Сурамскими горами отъ жгучаго дыханья восточныхъ степей, отъ стужи сѣвера неодолимою стѣною Кавказа, вся настежь открытая влажному и теплomu дыханью южнаго моря, представляетъ собою одинъ цвѣтущій и плодородный садъ, шумящій безчисленными водами, густо-заселенный трудолюбивымъ и предприимчивымъ народомъ.

Оттого-то на берегахъ Ріонской долины ранѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Кавказа расцвѣли богатые торговые города и основались первыя колоніи народовъ-цивилизаторовъ, и, Колхида — страна, текущая золотомъ, стала соблазнительнымъ рынкомъ Европы еще на туманной зарѣ Европейской исторіи, съ легендарныхъ дней Язона и его Аргонавтовъ. Мингрелія съ Имеретіей — на правомъ берегу, Гурія — на лѣвомъ берегу Ріона, этого золотоноснаго Фазиса древнихъ. Бѣшеная горная рѣчка Цени-Цхали, т. е. Конская рѣчка, Гиппусъ древнихъ Грековъ, падающая съ сѣвера въ Ріонъ, раздѣляетъ прибрежную Мингрелію отъ Имеретіи, а Сурамскія горы, въ свою очередь, рѣзко отдѣляютъ и Имеретію, и весь бассейнъ Ріона отъ долинъ и равнинъ Куры, орошающей сначала Карталинію, центръ всего Закавказія, а потомъ бывшія полутатарскія, полуперсидскія ханства Ганжинское, Шемахинское, Бакинское, Карабахское. Лѣвый притокъ Куры, Алазань, пробѣгаетъ съ горъ черезъ кишашую виноградомъ Бахетію, приотившуюся восточнѣе Грузіи, у самаго подножія Кавказскаго хребта, какъ ступень къ Дагестану....

Правый, еще болѣе значительный притокъ Куры, — Араксъ, почти не уступающій ей длиною, служитъ пограничнымъ рубежомъ Закавказья и цѣлой Россіи съ Персіею, орошая собою высокія и сухія плоскогорья древней Армянской страны; по лѣвую сторону его Русская Арменія, по правую — Персидская и Турецкая...

Вотъ и весь Кавказъ въ нѣсколькихъ словахъ. Теперь къ нему необходимо еще присоединить вновь завоеванную горную область между верховьемъ Аракса и рѣкою Чорохомъ, въ которой стоитъ Карсъ, до сихъ поръ отдѣленную отъ насъ тѣмъ самымъ Малымъ Кавказомъ Озургетскихъ и Ахалцыхскихъ горъ, откуда беретъ свое начало Кура...

Уже этотъ общій, бѣглый очеркъ мѣстности Кавказа можетъ дать понятіе о необычайномъ разнообразіи природныхъ богатствъ, которыми обладаетъ Кавказъ, о рѣзкомъ различіи быта и занятій всего этого, невѣроятно пестраго населенія его...

5. Степи Сѣвер. Кавказа.

Здѣсь, по сию сторону великаго хребта, безпредѣльная, неоглядная гладь южно-русской равнины, отрѣзанная отъ горъ, какъ ножомъ, руслами Кубани и Терекомъ, за которыми она постепенно замираетъ грядами холмовъ, поднимающимся все выше выше, все сочнѣе, все зеленѣе, пока не разрастается въ цѣлую цѣпь курчавыхъ лѣсныхъ горъ — первыхъ ступеней Кавказскаго хребта...

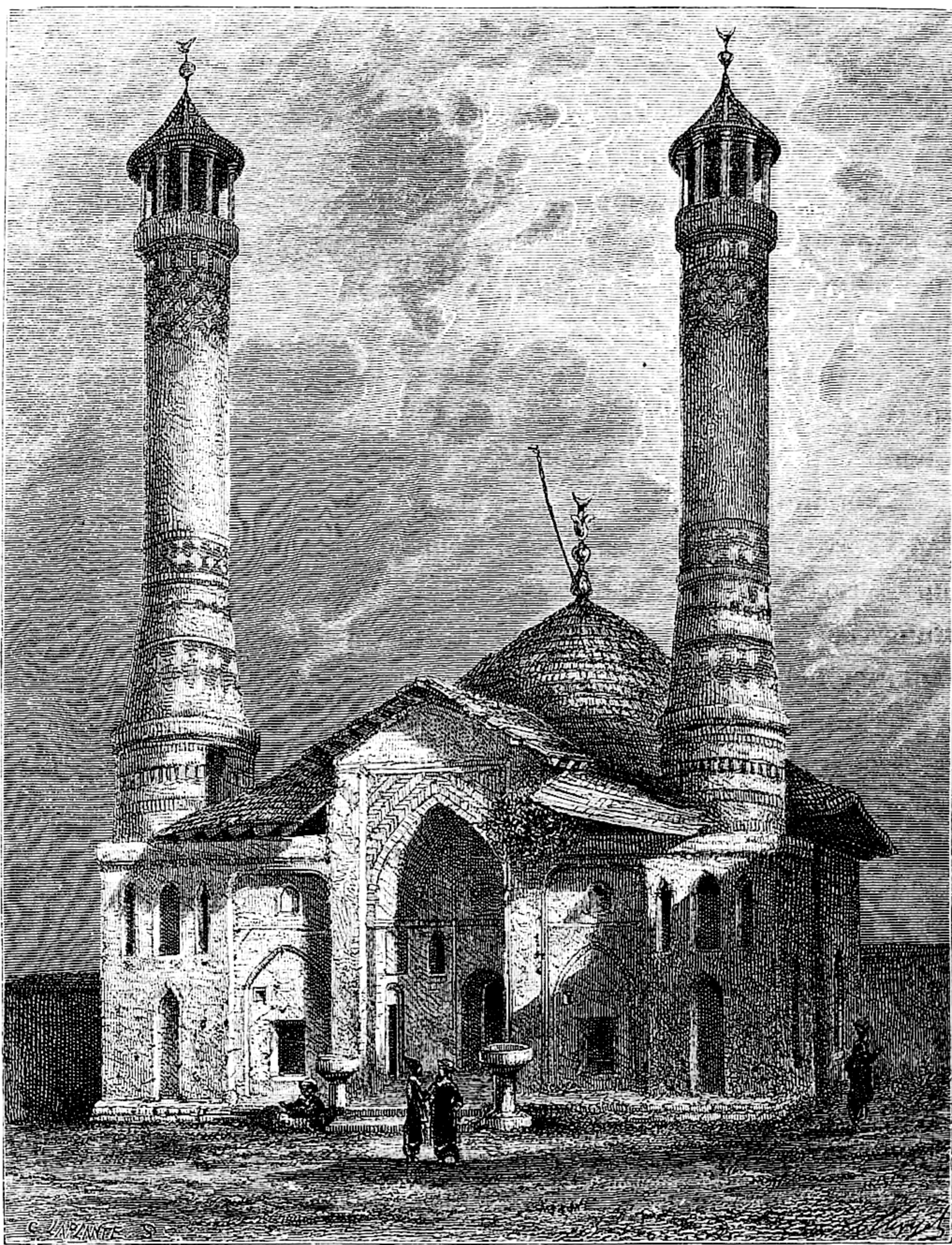
Хороша эта степная равнина въ яркіе золотые дни молодой весны, когда она стелется безбрежнымъ моремъ зеленой травы во всѣ стороны, куда только достаетъ глазъ; ѣдешь день, ѣдешь другой, ѣдешь недѣлю, — не выѣдешь, не выплывешь изъ этого травянаго моря, что течетъ и колышется зелеными волнами по жаркому степному вѣтру...

Ни рѣки, ни холма, ни жилья, будто въ дѣвственныхъ преріяхъ Америки.

Nulla sylva, nulla mons, nullus lapis!
(Ни лѣса, ни горки, ни камушка!)

— безнадежно восклицалъ о южно-русскихъ равнинахъ еще римскій поэтъ Овидій, привыкшій къ тѣсотѣ горнаго итальянскаго пейзажа.

Ж. Р. Т. IX. Кавказъ.

Мечеть въ Шушѣ.

Ахъ, ты степь моя, степь раздольная.
Широко ты степь пораскинулась,
Екъ морю Черному поагнулась...

— радостно привѣтствовалъ ту же равнину своимъ роднымъ, русскимъ сердцемъ русскій поэтъ, крестьянинъ изъ неоглядныхъ черноземныхъ полей. Изрѣдка далекій курганъ, заросшій такою же густою, такою же высокою травою, неожиданно выгянетъ изъ сплошной глади степныхъ травъ, нашептывая путнику таинственныя саги о былыхъ дняхъ и былыхъ народахъ, безмолвно почившихъ подъ его могильною насыпью...

Только черные орлы, что плаваютъ смѣлыми кругами тамъ, въ глубокой синивѣ воздуха, оживляютъ эту зеленую пустыню жесткимъ, хищническимъ клеткомъ своимъ... Только они одни, эти цари степей, перекликаются другъ съ другомъ среди всеобщей ненарушимой тишины...

Зато дѣлается такъ радостно и такъ чудно, когда, послѣ этой безысходной, зеленой пустыни вдругъ увидишь наконецъ людное и шумное жилье человѣка, обросшее темными рощами, живописно вырѣзающееся среди зелени бѣлыми стѣнками и соломенно золотыми крышами своихъ многочисленныхъ домиковъ, полное движенія и голосовъ...

Сверкающая, какъ свѣже-кованное серебро, излучина рѣки, освѣщенной полуденнымъ солнцемъ, перерѣзаетъ пополамъ эту утомившую васъ гладь травяной степи, и къ ея влажнымъ лугамъ, къ освѣжающей прохладѣ ея быстрыхъ водъ радостно сбиваются разноцвѣтныя стада коровъ, лошадей и всякой живой твари, сопутствующей хозяйству человѣка.

Среди этихъ травяныхъ степей, по берегамъ мутной Кубани, по высокому гребню желтобураго Терека, по сочнымъ долинамъ Урупа, Лабы, Бѣлой, или Сунжи, стоятъ станицы Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ, стоятъ громадныя слободы русскихъ поселенцевъ...

«Хороши стоятъ тамъ слободушки!...»

Въ этой странѣ безлюдія и безпомощности еще невозможны одинокіе хутора и мелкія деревушки. Люди какъ звѣри, какъ птицы, должны здѣсь сбиваться въ многочисленныя станицы, чтобы отбиваться и отъ разбоя людей, и отъ стихій природы, чтобы найти въ самихъ себѣ, не рискуя дальнимъ переѣздомъ, все необходимое для скудной и суровой жизни своей въ пустой степи...

Станица—это далеко не наше простое русское селеніе. Кубанская или Терская станица—это отраднѣйшій оазисъ среди пустыни, такой же необходимый, такой же рѣдкій, такой же страстно желанный...

Въ станицѣ вы уже чувствуете присутствіе силы и безопасности...

Тутъ не только ночлегъ путнику, кусокъ хлѣба голодному, но и военная стоянка, всегда готовая къ отпору, къ защитѣ, къ возмездію...

Еще такъ недавно, станицы обносились валами и частоколами; въ сторожевой пушкѣ у бревенчатаго собора чугунный арбузъ постоянно дожидался своей очереди, а съ вышекъ не сходили часовые, озиравшіе окрестность.

До сихъ поръ вездѣ за Кубанью, за Терекомъ, вы встрѣчаете эти своеобразныя казацкія вышки на трехъ громадныхъ дубахъ, на крытой площадкѣ которыхъ торчитъ всѣмъ знакомая фигура въ папахѣ и буркѣ, съ ружьемъ за плечомъ...

По большимъ дорогамъ они чередуются какъ почтовыя станціи; возлѣ нихъ всегда падутся нѣсколько осѣдланыхъ лошадей и валяются по травѣ запасные казаки...

Да и какъ было возможно казаку не сторожить днемъ и ночью горныхъ хищниковъ, носъ къ носу съ которыми онъ жилъ такъ долго? Чуть только ночь падетъ на землю, изъза рѣки, прячась въ береговыхъ мыскахъ, въ плавняхъ рѣки, черезъ мели и острова, гдѣ можно вбродъ, гдѣ нужно вплавъ, шайка удалцевъ уже отправляется попытать счастья на русскую сторону...

Отогнать у казаковъ стадо воловъ, отару овецъ, табунокъ лошадей, — вотъ единственно

знакомый Бжедуху или Чеченцу промыселъ, единственная хозяйственная забота его о себѣ и о семьѣ своей...

И вотъ, на берегу порубежныхъ рѣкъ, горець Кавказа поминутно схватывался съ степнякомъ русской равнины, Черкесь и Чеченецъ — съ Кубанскимъ и Терскимъ казакомъ...

Живетъ, шумитъ, работаетъ многолюдная станица; покошено сѣно, подоены сытыя коровы и буйволицы, съ довольнымъ видомъ важно потягиваютъ горилку на вечерней зарѣ старые, усатые казаки, громко поютъ пѣсню и водятъ хороводы разодѣтыя казачки и удалые молодые парубки въ цвѣтныхъ бешметахъ, въ яркихъ рубахахъ... Караульные на своихъ вышкахъ, запальщикъ у пушки, кованныя желѣзомъ ворота въ высокомъ плетнѣ или частоколѣ на высокомъ валу давно на замкѣ... Спокойно и беззаботно можетъ веселиться казачья станица...

Наступаетъ ночь. Полегли по пуховымъ постелямъ своимъ молодицы и дѣвки, позавалились на сѣновалы молодые и старые казаки, и... вдругъ вздрагиваетъ слѣпая тишь ночи, вздрагиваетъ вся онѣмѣвшая станица — отъ рокового удара пушки... Зловѣщій, торопливый благовѣстъ раздается съ колокольни стараго собора, прерываемый трескотнею ружейныхъ выстрѣловъ, и вскакиваютъ, въ испугѣ, и бросаются, какъ угорѣлые, къ своимъ винтовкамъ, къ своимъ разсѣданнымъ конямъ, полусонные казаки...

Вой и плачь поднимается въ опустѣлыхъ домахъ, на темныхъ улицахъ, гдѣ безпомощно столпились дѣти и женщины. Вотъ мрачное, красное зарево сначала боязливо лизнуло, потомъ разомъ разодрало черную темноту; и пошли гулять въ разныхъ концахъ подоженной станицы высокіе и острые языки огня, шатаясь и взвиваясь, будто охмѣлѣвшіе отъ своей воровской побѣды...

Отчаянные крики и топотъ коней, стукъ оружія, выстрѣлы ружей, несутся со стороны рѣчки. На другой день отъ огромной станицы, тянувшейся на нѣсколько верстъ вдоль берега, — только курятся черныя длинныя кучи; оборванныя обожженныя дѣтишки съ плачемъ роются въ пожарищѣ, отыскивая кусокъ хлѣба...

Побиты и разогнаны казаки, угнаны въ горы молодыя женщины и дѣвки, годныя къ работѣ, перерѣзаны старики и старухи...

Таковъ былъ ежедневный бытъ этихъ русскихъ порубежниковъ, которымъ ежеминутно приходилось смѣнить косу на саблю и грабли на пику.

Сегодня выжжена какая-нибудь Елизаветинская станица; черезъ недѣлю пылаютъ аулы Бжедуховъ или Кистинцевъ.

Казаки не оставляютъ безъ жестокой отмстки воровскаго истребленія своего гнѣзда. Это хорошо знаютъ и свои и чужіе.

Самые отчаянные удалцы, истые старые запорожцы по своимъ вкусамъ и обычаямъ, почти не живутъ въ станицахъ. Они, какъ ихъ вольные братья, звѣри степные, бродятъ по плавнямъ и лѣсамъ, питаются дичинкой да рыбкой, подсиживая гдѣ придется такого же бродячаго удалца—азіата...

Застрѣлить дикую свинку или козу,—тащить въ станицу, раздаетъ пріятелямъ; попьеть съ ними, поболтается среди народушка, смотришь—и опять сгинулъ ни вѣсть куда, опять цѣлый мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Это — *пластуны*, какъ ихъ называютъ на Кубани, самый страшный народъ для Черкеса.

Пластунами, собственно говоря, Черкесы называютъ всякаго охотника, но казаки привязали эту почетную теперь кличку только къ охотникамъ изъ охотниковъ, настоящимъ мастерамъ своего дѣла.

Пластуна узнаешь уже по виду. Они усвоили себѣ свой особый шикъ, вполне подходящий

къ плавнямъ и терновникамъ, среди которыхъ они слоняются дни и ночи, къ ихъ вѣчной жизни охотниковъ, слѣдопытовъ и разбойниковъ...

Черкеска на пластунѣ всегда изорванная и измазанная, затасканная папаха почеркески небрежно сдвинута на затылокъ, винтовка вся избитая, перечиненная, связанная веревочками, заплатанная... Пули и дробь мотаются въ какомъ-нибудь грязномъ холстинномъ мѣшечкѣ, рядомъ съ неразлучною коротенькою люлькою; ничего дорогаго, новаго, блестящаго и показнаго...

Но зато этотъ замухрышка терпѣливо пролежитъ трое сутокъ въ камышахъ по поясъ въ водѣ, высматривая переправу горскихъ наѣздниковъ, зато пуля его никогда не выпускается понапрасну: въ лобъ, — такъ въ лобъ, чтобы не шевельнулся переплывающій рѣку бритый азіатецъ; въ глазъ, — такъ въ глазъ, чтобы не портить шкурки цѣннаго звѣря...

Типъ горца.

Пластунъ больше живетъ за рѣкой, на черкесской сторонѣ, чѣмъ на своей, казацкой. Ему вѣдомы въ черкесскихъ лѣсахъ всѣ тропы, и онъ наперечетъ знаетъ сакли каждаго аула. Вездѣ у него кунаки и пріятели. Иногда онъ по нѣскольку дней проживаетъ тайкомъ въ недружелюбномъ аулѣ... А не въ аулѣ — въ лѣсу. Спать въ камышахъ или на дубу рѣшительно все равно, что у себя, что у азіата. А тутъ, покрайней мѣрѣ, добыча на каждомъ шагу.

Пластунъ знаетъ обо всемъ, что собирается дѣлать аулъ. Его не слышно и не видно, а онъ все вывѣдалъ, все подсмотрѣлъ. Какъ только соберется черкесская молодежь въ удалую ночную прогулку за рѣку, на казацкую сторону, пластунъ сейчасъ шлетъ слухъ въ станицу, чтобы поджидали гостей...

Оттого-то пластуны въ великомъ почетѣ у казаковъ. Это изъ казаковъ казаки, изъ удалцовъ удалцы; имъ подражаютъ, у нихъ учатся, ихъ совѣта въ дѣлѣ набѣга, въ дѣлѣ войны слушаются всѣ.

Принесетъ нынче пластунъ давно ожидаемую старшинами вѣсть, что сосѣдніе аулы отправились на Карачаевцевъ — отбивать захваченные покосы, — и въ ночь казаки станицы уже на конѣ, и опытные пластуны ведутъ ихъ потайными тропками къ знакомымъ ауламъ... Тотъ же ночной пожаръ, тотъ же ужасъ, тѣ же вопли и стукъ оружія, — и къ утру вмѣсто аула одна груда камней

и казацкіе кони еле двигаются, нагруженные цвѣтнымъ платьемъ, одѣялами, поясами, мѣшками ячменя и кукурузы, полураздѣтыми черкесскими дѣвками, съ скрученными назадъ руками, — гоня передъ собою цѣлыя стада мелкихъ горскихъ коровъ и желтыхъ шелковистыхъ овецъ...

Око за око, зубъ за зубъ, — такъ цѣлую жизнь, цѣлые вѣка.

Теперь стихла наконецъ эта нескончаемая боевая и хищническая жизнь. Черкесъ и Чеченецъ смирились или ушли.... Теперь и надъ ними тоже русское начальство, тотъ же русскій законъ. Пластунъ еще бродитъ, по старой привычкѣ, въ безысходныхъ, непролазныхъ плавняхъ своихъ, но уже все больше и больше перерождается въ простаго охотника, мирнаго преслѣдователя дикихъ свиней, оленей и козъ....

Разбой и раззореніе прекратились, какъ постоянныя обычныя явленія жизни, хотя,

какъ отдѣльные случаи, повторяются еще часто. Старая, вѣковая вражда не исчезла изъ груди покоренныхъ азіатовъ и побѣдившаго казачества!...

Въ этомъ недавнемъ царствѣ борьбы и насилія, убить человѣка еще всякому кажется также просто, какъ затравить зайца.

Какъ ни строги требованія закона, — чуть не каждую ночь бурныя воды Кубани и Терека уносятъ трупъ какого-нибудь безвѣстнаго ночнаго удалца съ горской стороны, неудачно пытавшагося разжиться на счетъ казацкой скотинки. Какъ только увидитъ казакъ въ сомнительный часъ бритую азіатскую башку, что крадется въ камышахъ или переплываетъ рѣчку, — сейчасъ же, не раздумывая, трахъ изъ ружья... Часто палятъ въ самой станицѣ, прямо изъ оконъ, въ 3-хъ шагахъ отъ станичныхъ правленій, на глазахъ Станичнаго атамана и пановъ старшинъ. И никто себѣ ухомъ не ведетъ, — пускай, молъ, расправляются. Изъ всякаго пустяка не затѣвать, вѣдь, слѣдствій да переписокъ!... А Кубань все покроетъ, всѣхъ помирить.... Казакамъ достается точно также отъ горцевъ, отъ воровской Кабарды, отъ разбойниковъ Ингушей....

Тамъ также мало церемонятся съ ними; чуть припоздалъ кто чужой на ихъ пастбищахъ или близъ аула, — поминай какъ звали, разыскивай послѣ куда уѣхалъ, и когда вернется.

Даже по почтовымъ дорогамъ, сосѣднимъ съ горами, напримеръ, въ Чечнѣ и за Кубанью, всю ночь ѣздятъ патрули конныхъ казаковъ, одни на встрѣчу другимъ, и стоятъ въ разныхъ мѣстахъ казацкіе посты, съ сторожевыми вышками....

Сочна, сыта и обильна эта непочатая дѣвственная сторона съ ея тучнымъ, глубокимъ черноземомъ и ея долгимъ жаркимъ лѣтомъ.

Неоглядные табуны лошадей, неоглядныя стада коровъ, буйволовъ, верблюдовъ, овецъ, пасутся въ этихъ богатѣйшихъ пастбищахъ. Тутъ выросли и выхолились знаменитыя черноморскія и кабардинскія лошадки, не знающія усталы, быстрыя, легкія какъ степной вѣтеръ..

Хозяйства Прикубанскихъ, Терскихъ, Сунженскихъ станицъ — это кошница, полная всякихъ хлѣбовъ и плодовъ. Вездѣ сады сливъ, кизиля, черешень, абрикосовъ, персиковъ, волосныхъ орѣховъ.... По Тереку уже сплошные виноградники; такіе же могли бы быть по всей Кубани. Нѣтъ въ свѣтѣ вина болѣе дешеваго и обильнаго, какъ въ Кизлярѣ, на болотистыхъ берегахъ Терека. Рыба кишитъ въ водахъ, еще не распуганная пароходами; еще больше кишитъ она въ приморскихъ заливахъ Каспія, Чернаго и Азовскаго морей, въ Ачуевѣ, въ Кубанскомъ лиманѣ, въ Астраханскомъ заливѣ.

Когда ѣдешь по Чечнѣ или по Кубанской области въ дни жатвы хлѣбовъ, безчисленныя полчища грузныхъ и громоздкихъ копенъ, покрывающихъ поля, кажутся невѣроятными даже для жителя хлѣбородныхъ Курскихъ полей. Пшеница, кукуруза, просо, ячмень — тутъ поднимаются тѣсными стѣнами въ ростъ человѣка. Всякій водить столько скотины, сколько сможетъ купить. А кромѣ этой домашней, покупной скотины, сколько еще вольной Божьей скотины въ плавняхъ, лѣсахъ и степяхъ!

Плавни — это характерная особенность большихъ южныхъ рѣкъ: Днѣпра, Кубани, Дуная.... Въ плавняхъ заблудиться хуже, чѣмъ въ лѣсу, потому что онѣ гуще и обширнѣе всякаго лѣса; это громадныя камыши, гораздо выше человѣка, въ которыхъ прячется съ головою даже всадникъ, перемѣшанные съ кустарникомъ и рѣдкими деревьями.... Проторенныя дорожки и козьи тропы выются среди этихъ непроходимыхъ, зеленыхъ чащъ, ныряя между озерками и заводями.... Въ этихъ индійскихъ «жонгляхъ» своего рода, кишма кишитъ всякая дичь, всякое звѣрье. Тамъ плодятся кабаны, рыскаютъ козы, отдыхаютъ въ прохладѣ медвѣди,

Женщина на Кавказѣ.

тамъ безвыходно живутъ волки, лисицы, зайцы... Особенное приволье всякой птицѣ въ этихъ исполинскихъ камышахъ, въ этихъ спрятанныхъ отъ взоровъ человѣка тихихъ заливчикахъ....

Но и лѣсъ и степь здѣсь полны тою же жизнью. Заберитесь передъ разсвѣтомъ, гдѣ-нибудь на Черкесской сторонѣ, въ густой лѣсъ и, сготовивъ ружье, притаитесь безмолвно въ темной чащѣ, прислушиваясь къ голосамъ просыпающагося лѣса.

Все фазанье населеніе степей еще теперь здѣсь, на своихъ прохладныхъ и безопасныхъ насѣстьяхъ, въ вѣтвяхъ высокихъ чинаръ, не двигающихъ ни однимъ листомъ среди ненарушимой всеобщей тишины....

И вдругъ начинается кругомъ васъ сначала робкое и отрывистое, потомъ все разрастающееся, дружное, сплошное курлыканье отоспавшихся пѣтуховъ и куръ.... Весь лѣсъ наполняется этими глухими, своеобразными перекликиваніями, и вамъ чудится, что вы стоите среди какого-то громаднаго птичника, гдѣ каждая вѣтка дерева усажена поющими, шумливыми птицами.

Неистощенный Божій птичникъ, вѣчно плодущій, вѣчно переполненный, съ которымъ не сравнятся самыя хитроумныя затѣи нашего кропотливаго людскаго хозяйства!...

Къ разсвѣту дня, все это крылатое населеніе лѣса неслышно снимается съ ночлега и незамѣтно спускается на сытныя кукурузники и просяныя поля. Собаку впередъ, и смѣло въ путь!.... На каждомъ шагу срываются съ жневыя, изъ-подъ вашихъ ногъ, грузныя темно-красныя пѣтухи, съ неуклюжей торопливостью стараясь взлетѣть вверхъ, чтобы только описать по воздуху крутую дугу и тотчасъ же упасть въ недоступную чащу лѣса....

Трахъ, трахъ!.. то и дѣло трещить по линіи охотниковъ, мимо которыхъ испуганному фазану приходится летѣть какъ сквозь строй. Трудно не попасть такъ близко въ такую большую цѣль, особенно когда приходится стрѣлять чуть несплошь. Вслѣдствіе этого обилія птицъ и этой легкости охоты, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пару курочекъ можно было купить за 20 коп.

Но скверно, если на фазаньей охотѣ наткнешься на всюду разбросанные по полю островки густо переплетеннаго колючаго терновника, изъ котораго не успѣлъ во-время выскочить обычный житель этихъ терновниковъ — дикій кабанъ.... Съ сжатымъ сердцемъ, и съ куркомъ на взводѣ приближаешься къ этому темному логовищу, откуда, вдругъ, сразу можетъ вынестись и срѣзать охотника, какъ былинку тростника, — страшный вепрь. Заглянешь въ низкое темное отверстіе, дуломъ впередъ, слава Богу, — никого! только взворочена насвѣжо черная земля, — видно, звѣрь сейчасъ отдыхалъ здѣсь, зарываясь въ прохладную землю.

Кабанъ бѣжитъ такъ быстро и сильно, наноситъ удары такъ неотразимо, что охотники боятся его пуще всякаго звѣря, даже пуще медвѣдя.

Когда его гонятъ изъ лѣсу *гаемъ*, толпою кричащихъ и стучащихъ загонщиковъ, охотники, ожидающіе его впереди, должны держать ухо остро и встрѣчать его не иначе, какъ сидя на деревѣ. Жутко переходить ему дорогу, когда уже раздаются вдали преслѣдующіе его безпокойные звуки гая, и на каждомъ шагу ждешь, что вотъ, вотъ затрещатъ кусты и дикое чудовище вырвется къ вамъ изъ чащи, сокрушая все на своемъ пути....

— На дубъ, на дубъ! скорѣй на дубъ! — тревожно командуетъ съ своего дерева какой-нибудь опытный Бжедухъ, распорядитель охоты, и волей неволей, изъ инстинктивнаго чувства самосохраненія, вы схватитесь за первый попавшійся сукъ и очутитесь на безопасномъ дубу....

Какъ разъ кстати, потому что ужь ломаются кусты на весь лѣсъ, и чт-ото черное, безформенное, ульпленное грязью, листьями, сухой травой, словно какой-то тяжелый, чугунный клинъ стремительно врѣзывается въ колючую чащу лѣса, провожаемое бѣглымъ огнемъ неудачныхъ выстрѣловъ.

Крупный, красивый и сильный народъ, отборный образчикъ русскаго племени, живетъ на этихъ тучныхъ прирѣчныхъ равнинахъ. Народъ, никогда не знавшій крѣпостнаго гнета, всегда сытый и привольный, воспитывавшій чувство своего достоинства вѣками военной

удали, военныхъ доблестей... На Терекъ, на Сунжъ, — старые раскольники еще со дней Алексѣя Михайловича и Петра I, а, можетъ быть, и поволжская удалая вольница временъ Ермака Тимофѣича; настоящіе кровные русаки съ ихъ хозяйственною сметкою, съ ихъ крѣпкимъ бытомъ семьи, гдѣ дѣвкѣ гульба и воля, а бабѣ — суровое ярмо очага.

Эти рослыя, на сочномъ черноземѣ, на прилужныхъ мѣстахъ выросшія дѣвки, румяныя, веселыя, здоровыя, не уступятъ никакому мужчинѣ ни въ ловкости, ни въ силѣ, ни въ сносливости.... Какая-нибудь Червленая или Новомлинская станица славятся своими красавицами, дерзкими на языкъ и на руку, работающими лучше всякаго мужика; онѣ любятся съ парнями-казаками, безъ робости и заботы, родятъ своимъ казакамъ здоровыхъ ребятъ, и живутъ себѣ, веселыя и довольныя среди этой обильной полудикой природы, какъ живутъ вокругъ нихъ черныя круторебрыя буйволицы, красныя коровы съ переполненнымъ вымемъ, утробистыя кобылицы, носящіяся по степи съ своими крѣпконогими жеребятами....

Женщина степей и боеваго быта, вполне подходящая къ той молодецкой породѣ муштинъ, которая издавна заселила берега порубежныхъ рѣкъ, одинокіе степные хутора и тучныя подножія кавказскихъ горъ....

На Кубани другое племя, такое же молодецкое, но уже не великорусское, а подлинное запорожское, съ хохлацкою рѣчью, съ хохлацкими бѣлыми хатами подъ очеретомъ, съ хохлацкими пѣснями и обычаями, съ хохлацкимъ воломъ и плугомъ, съ хохлацкимъ сливнымъ садикомъ и цвѣтущими подсолнухами за тыномъ.... Только хохлацкая одежда почему-то безвозвратно скрылась изъ Кубанской станицы.

Эти воинственныя казацкія станицы, Кубанскія и Терскія, прикрыли собою цѣлыя сплошныя гнѣзда мирныхъ крестьянскихъ переселенцевъ изъ всевозможныхъ мѣстностей южной и средней Россіи.... Теперь эти многочисленныя мужицкія станицы сообщаютъ странѣ, недавно захваченной русской жизнью, глубоко-русскій характеръ... Но однако еще огромныя пространства этой необъятной предкавказской степи, что стелется между низовьями Дона и низовьями Волги, между Азовскимъ моремъ слѣва и Каспійскимъ моремъ справа, — полны кочующихъ дикарей, этихъ загадочныхъ остатковъ, когда то, страшныхъ хозяевъ всей южно-русской равнины, господствовавшихъ и надъ Москвой, и надъ Кіевомъ, пронесившихъ когда то ужасъ и разрушеніе черезъ благословенныя страны Европы, черезъ благоустроенныя и богатыя царства, подобно тѣмъ истребительнымъ тучамъ черной саранчи, что отраивается рядомъ съ ними въ той же выжженной южнымъ солнцемъ пустынной степи.

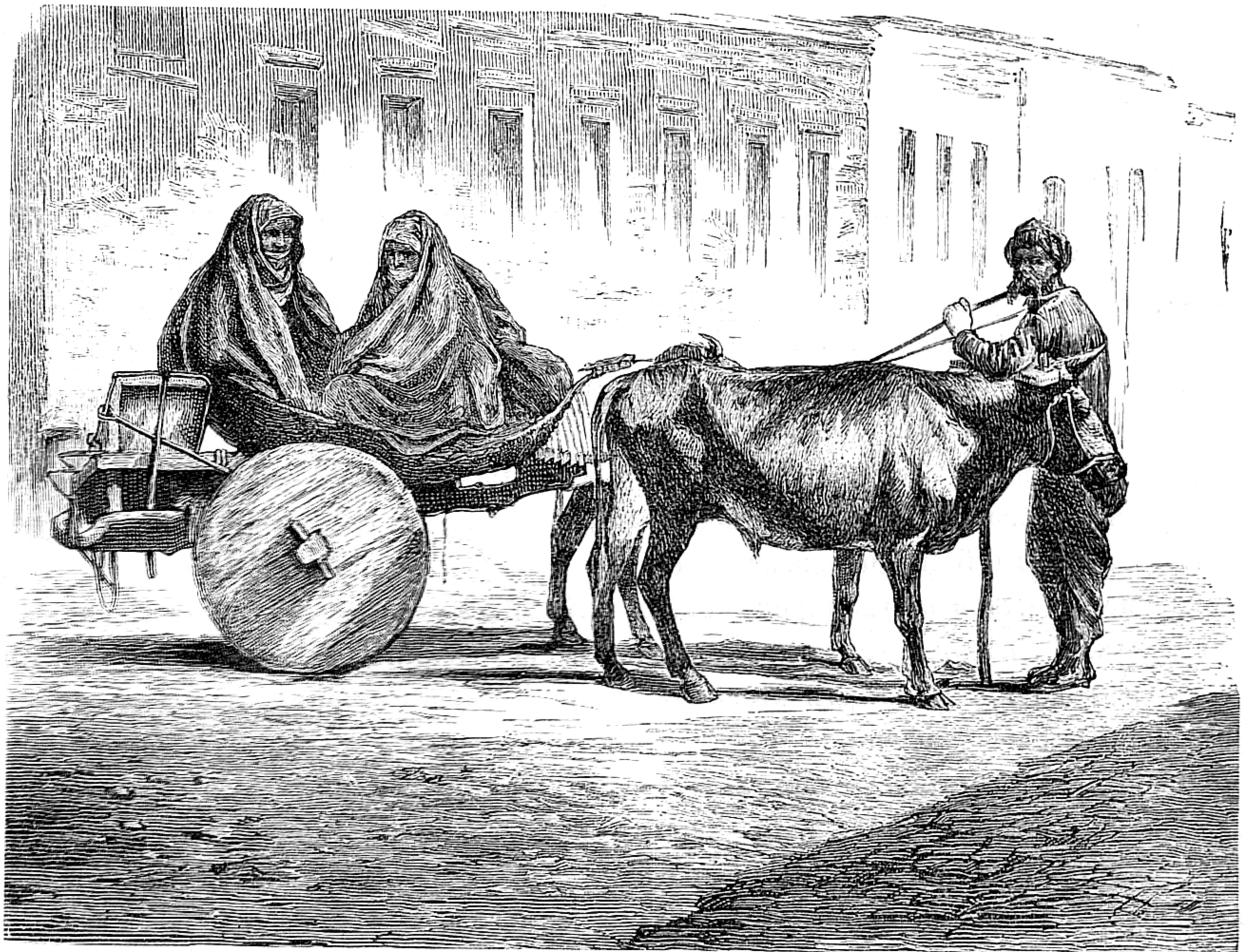
Ногайцы, Калмыки, Кара-ногайцы передвигаются съ своими кибитками, верблюдами, овцами и кобылами по безконечнымъ травянымъ пажитямъ, что тянутся на сѣверъ отъ Терека и Кубани, по Кумѣ и Манычу, переходя невѣдомо гдѣ въ солончани и пески Астраханскихъ степей.

Когда-то на этихъ мѣстахъ кочевали Половцы, «конюхи Монголовъ», кочевали еще раньше ихъ Хозары, Аланы, кочевали потомъ сами Монголы. Кто изъ нихъ уцѣлѣлъ до нашего времени въ образѣ Ногай и Калмыка, — исторія врядъ ли откроетъ когда-нибудь. Эта южная русская степь, сливающаяся черезъ низовье Волги и Урала съ безпредѣльными степями средней Азіи, съ самыхъ раннихъ вѣковъ была питомникомъ всякихъ кочевыхъ народовъ. Черезъ нее двигались всѣ великія и малыя переселенія этихъ человѣческихъ ордъ, которыхъ Старая Азія выплескивала черезъ свои переполненные края въ тогда еще новую, въ тогда еще почти не занятую Европу.... Одна орда племенъ надвигала на другую, тѣснила, продвигала ее, заливала ее своею волною, мѣшалась съ нею или опрокидывалась назадъ отъ слишкомъ сильнаго встрѣчнаго натиска.

Какой лингвистъ, какой историкъ прослѣдитъ въ точности эти безостановочныя сплетенія, смѣшенія, дробленія и сліянія никому невѣдомыхъ племенъ, происшедшія въ недоступной глуши дикихъ пустынь. вдали отъ всякой грамотности, отъ всякаго образованнаго наблюда-

теля. Случайныя встрѣчи римскихъ, греческихъ, персидскихъ или арабскихъ полководцевъ съ полунагими варварами, которыми кишѣли степныя пустыни, — не могли дать твердыхъ и полныхъ свѣдѣній объ этихъ дикаряхъ, обѣгавшихъ кругомъ предѣлы благоустроенныхъ царствъ. Не зная ихъ языка и ихъ исторіи, всякій называлъ ихъ по своему, рассказывалъ о нихъ баснословныя легенды, то путалъ въ одно совершенно различныя племена, случайно дѣйствовавшія вмѣстѣ, то принималъ за особые народы и обозначалъ ихъ различными именами отдѣльные мелкіе роды того же племени, называвшіе себя по имени ближайшихъ родоначальниковъ или вождей своихъ. Вслѣдствіе этого старая исторія степовиковъ южной Россіи представляетъ собою невообразимую путаницу.

Каждый писатель, каждый путешественникъ выступаютъ съ своими именами народовъ, нисколько не соответствующими именамъ, уже установленнымъ прежними писателями.

Арба въ Батумѣ.

То всё безъ различія народы русской равнины слывутъ подъ именемъ Скифовъ или Сарматовъ, то одинъ и тотъ же народъ является у разныхъ авторовъ подъ именемъ Аваровъ, Обровъ, Гунновъ, Хозаровъ... Какіе-нибудь Печенѣги, ежедневно сталкивающіеся съ первыми русскими князьями, внезапно, словно сквозь землю проваливаются, никто больше не упоминаетъ ихъ имени, а все «дикое поле» оказывается давно во власти какихъ-то Половцевъ.

Древнихъ Осовъ или Азовъ, — Язовъ нашего Печерскаго лѣтописца, — римскіе историки величаютъ постоянно Аланами, въ тоже время средне-вѣковыя писатели, какъ Рубруквисъ, Плако-Карпини и др. смѣшиваютъ Аланъ съ Половцами или Команами. Множество византийскихъ, арабскихъ и итальянскихъ писателей называютъ Кавказъ Аланією, Аланскими горами; Римляне называли Porta Сипана, т. е. команскими или половецкими воротами, ущелье Дарьяла, слѣдовательно, тоже смѣшивали Аланъ и Осовъ съ Половцами, жившими, вѣроятно, по берегамъ самой степной изъ всѣхъ русскихъ рѣкъ — Кумы (Сипана, Команъ). Такое же общее и неопредѣленное имя представляли собою позднѣйшіе насельники степей — казаки. Слово это

звучитъ уже въ названіи Касоговъ или Касаговъ (по Никоновскому списку), съ которыми бьется Святославъ въ Прикубанской равнинѣ, въ имени Козакіи или Казахіи, которымъ греческій императоръ Константинъ обозначаетъ одну сѣверную область Кавказа, и до сихъ поръ сохранившую у себя названіе Казаховъ за бывшимъ крѣпостнымъ населеніемъ; коренные обитатели юго-восточныхъ русскихъ и азіатскихъ степей до сихъ поръ называются Киргисъ-казаками (кайсаками); Осетины, по увѣренію Шлецера, называютъ казаками Черкесовъ Кавказа. Казаки-оргузи являются въ видѣ какой-то особенной конной стражи въ Генуэзскихъ колоніяхъ Крыма, Сурожѣ, Чембало и пр. Ясно вообще, что слово казакъ обозначало не особое племя, а какое-то общее родовое понятіе, унаслѣдованное въ послѣдствіи тѣми удалыми дружинами русскихъ и всякихъ другихъ *«гулящихъ людей»*, которыя овладѣли съ XV столѣтія южно-русскою степью, вмѣсто Половцевъ и Хозаръ. Немудрено еще, что въ новомъ имени «казакъ» даже просто сохранился корень имени древнѣйшихъ владыкъ Донскаго и Кубанскаго юга — Хозаръ... Казахія и Козарія такъ близки другъ къ другу по звуку и совершенно тождественны по мѣстности.

Весьма правдоподобно, что и слово Черкесъ, — общее названіе разнородныхъ племенъ, населяющихъ сѣверные склоны западнаго Кавказа, вовсе неизвѣстное самимъ племенамъ этимъ, — ничто иное, какъ такое же нарицательное понятіе своего рода, относимое безразлично къ тѣмъ или другимъ племенамъ, проявляющимъ въ чемъ-нибудь одинаковыя свойства... Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквіезъ, упоминая о Кавказскихъ горахъ, провожавшихъ его съ юга во время его путешествія къ хану Мангу, — говоритъ, что на Кавказѣ живетъ Kergis; онъ, очевидно, подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ Черкесовъ, которыхъ имя, такимъ образомъ, легко переходитъ въ другое, весьма распространенное имя степей — Киргизъ. Казаки издревле извѣстны у Русскихъ подъ названіемъ черкасовъ, вслѣдствіе чего въ области Донскихъ казаковъ древнѣйшіе поселки называютъ черкасами, Черкаскомъ, и даже весь скотъ южныхъ, т. е. казацкихъ степей, сохранилъ донинѣ названіе черкаскаго. Въ Кіевской губерніи до сихъ поръ встрѣчаются Черкасы, особое свободное населеніе, не смѣшивающееся съ крестьянствомъ, а въ горахъ Крыма существуютъ развалины очень древняго города Черкесъ-Кермена, очевидно, тоже основаннаго Черкасами или Черкасами.

Какъ бы то ни было, а степной югъ крѣпко-на-крѣпко схоронилъ свои древнія сказанія и не оставилъ намъ никакого вѣрнаго ключа для разгадки запутанныхъ тайнъ своей исторіи.

Одни только курганы, что идутъ правильными, безконечными рядами, будто сторожевые посты, отъ подножія Кавказскихъ горъ вглубь черноземной Россіи, почти подъ самую Москву, изрѣдка увѣнчанные какою-нибудь каменною бабою, а большею частью заросшіе сѣдымъ ковылемъ, распаханные мужицкой сохою, — только они одни могутъ что-нибудь повѣдать про старое прошлое степи.

Но много разрыто теперь этихъ кургановъ, много о нихъ думано и писано, найдены въ нихъ и Скиѣскіе цари въ золотыхъ вѣнцахъ, похороненные со всѣмъ, съ конями и оруженосцами своими, найдены и сожженные кости, и оружія, и монеты, а все-таки степная исторія не разъясняется и не свѣтлѣетъ, все-таки ничего точнаго не узнали мы ни о «великой Скѣи» нашего лѣтописца, ни о Половцахъ, ни о Хозарахъ....

Косоглазый желтый Калмыкъ, съ китайскими косами, что бродитъ съ своими кибитками и кобылами по горячимъ степямъ Кумы и Маньча, сохранилъ и въ своей наружности, и въ своемъ быту такъ много чертъ Гунна и Монгола, что, конечно, по немъ вы можете гораздо лучше и живѣе изучить историческую старину Прикавказской степи, чѣмъ по скуднымъ археологическимъ находкамъ кургановъ.

Онъ до сихъ поръ неисправимый кочевникъ, неисправимый хищникъ, неисправимый язычникъ; полтора тысячелѣтія человѣческой образованности и цивилизаціи протекли надъ его степью, не затронувъ его даже концомъ своего крыла... Какъ въ дни великаго переселенія

народовъ и разрушенія Римской имперіи, онъ лопааетъ своей кобылѣй кумысъ и полусырую, подь сѣдломъ провяленную, баранину; какъ и тогда, онъ не знаетъ другаго промысла, какъ воровство и разбой, не знаетъ другаго богатства — какъ стада, другаго жилища — какъ сѣдло коня или подвижной шаланъ изъ войлока. Горе русскимъ станицамъ, близъ которыхъ кочуютъ калмыцкія юрты! Каждую почъ не досчитываются коровъ, овецъ или лошадей...

Калмыкъ цѣлый день рыщетъ въ степи, пронизывая ее насквозь, за десятки верстъ, какъ можетъ пронизывать только хищная птица съ поднебесья, — своими узкими, соломенной прорѣзанными, косыми глазами. Онъ цѣлый день обдумываетъ и высматриваетъ только одно дѣло: что бы такое украсть и куда бы половчѣе отогнать... Онъ смиренно, чуть не со слезами, валяется передъ этимъ радостнымъ предпріятіемъ въ ногахъ у своего деревяннаго божка, раскрашеннаго и расеусаленнаго, что прячется въ священномъ углу его кибитки... Подастъ ему его «бурханъ» помощь и милость, удастся ему выкрасть въ сосѣдней деревнѣ лакомую скотину, — не знаетъ калмыкъ, какой жертвой, какими сладкими кусочками, какими частыми земными поклонами отблагодарить своего добраго заступника; самъ кланяется и бабу — калмычку туда же притащить, и ее заставляетъ поклоны бить и причитывать благодарственныя молитвы. Но, не дай Богъ, промахнется косоглазый воръ и, вмѣсто соблазнявшаго его казацкаго конька, возвратится домой съ казацкими нагайками въ спинѣ, съ перебитою ногою, съ подстрѣленною собственной лошадею. Нѣтъ конца гнѣву его! Онъ заарканиваетъ провинившагося домашняго божка своего прямо за шею и таскаетъ его по полю, безошадно настегивая нагайкой, проклиная и оскорбляя его на чемъ только свѣтъ стоитъ. Будетъ долго помнить несчастный бурханъ, какъ обманывать своего благочестиваго поклонника и не заботиться о его хозяйственной выгодѣ...

Изумительна въ самомъ дѣлѣ эта неподвижная живучесть племени! А еще ученые люди увѣряютъ, что долго могутъ жить и держаться только народы будущаго, только народы цивилизаціи; поживите денька два въ калмыцкой кибиткѣ, посмотрите на калмыцкія скуластыя морды, на калмыцкія приземистыя, кривоногія фигуры, и прочтите потомъ себѣ въ назиданье поразительно-мѣткую характеристику его предка, Гунна, сѣланную еще въ V-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ современникомъ и очевидцемъ Гунновъ — лѣтописцемъ Юрианомъ.

6. Горецъ Кавказа.

Казаки, Ногайцы, Калмыки — это степняки Кавказа. Заглянемъ и въ бытъ его горцевъ. Дагестанъ — «страна горъ» — самая Кавказская область всего Кавказа, а Лезгинъ, его житель, самый типичный изъ всѣхъ Кавказскихъ горцевъ... Лезгинъ — это далеко не одно племя; это общее имя разныхъ племенъ, разныхъ языковъ, издревле населяющихъ долины и скалы Дагестана.

Еще римскій географъ *Страбонъ* указывалъ Лезговъ между рѣкою Дириодорисомъ (Тереккомъ), гдѣ жили его «Амазонки», и Албаніей, т. е. теперешнею прикаспійскою частью Закавказья, слѣдовательно на теперешнемъ мѣстѣ ихъ жительства.

Французъ Рубруквіесъ, проѣзжавшій въ XIII вѣкѣ по сѣвернымъ равнинамъ Кавказа, тоже засталъ Лезгиновъ въ горахъ Дагестана. «Послѣ Черкесовъ, говоритъ онъ, живутъ къ Большому озеру Сарацны, которыхъ называютъ *lesges*, и которые подданные Татаръ, а потомъ встрѣчаются желѣзныя ворота, которыя Великій Александръ велѣлъ построить, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ варваровъ въ Персію...»

Дагестанъ — это цѣлое гнѣздо горъ, насыпанныхъ безъ порядка другъ къ другу, другъ на друга. Не разберешь ни хребтовъ, ни долинъ. На каждомъ шагу исполинскіе каменные кряжи переграждаютъ тѣснины и переплетаются другъ съ другомъ, заставляя извиваться во всѣ стороны, то вбокъ, то назадъ, бѣшеные и короткіе горныя ручьи... Маленькія глухія котло-

винки безъ входа и выхода прачутся между этими непрерывными поворотами горь... Если подняться на какую-нибудь поднебесную высь, господствующую надъ Дагестаномъ, то весь Дагестанъ представится гигантскими, окаменѣвшими волнами разъяреннаго моря. Такимъ онъ будетъ казаться не только съ высоты орлинаго полета или изъ корзинки воздушнаго шара, но даже съ каждой хорошей горы, гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Толотля и Гуниба...

Природа устроила его словно для того, чтобы всякая мысль о движеніи черезъ него, въ него и изъ него, уничтожалась сама собою... Это природная крѣпость, природная засада. Тутъ горсть смѣльчаковъ на каждомъ шагу остановитъ цѣлыя полчища. Одинъ брошенный внизъ камень загородитъ вышущуюся по обрывамъ утлую *козью* тропку и снесетъ въ пропасти кучу людей...

Тутъ войско могло карабкаться многіе дни по утесамъ, не въ силахъ будучи открыть спрятанныхъ въ камняхъ или въ глубокихъ тѣснинахъ жилищъ горца. А открывало, — достать не могло на этихъ утесахъ, торчащихъ надъ безднами. Ни одинъ самый опытный горець не знаетъ хорошо всей «страны горь». Это поистинѣ лабиринтъ, изъ котораго не легко выбраться.

Каждое селеніе живетъ своею отдѣльною жизнью, загороженное отъ другихъ страшными твердынями горь отрѣзанное отъ нихъ головокружительными безднами, ревущими горными потоками...

Только большая нужда заставила бы Лезгина преодолевать эти препятствія и сообщаться съ сосѣдями. Но какая можетъ быть нужда одному полудикому пастуху и разбойнику въ другомъ, такомъ же голомъ, такомъ же удаломъ, который встрѣчаетъ съ подозрѣніемъ, перекидывая на руку свою винтовку изъ-за спины, каждаго незнакомаго всадника и путника чужаго общества, появляющагося въ предѣлахъ его горныхъ владѣній? Никакихъ промысловъ помимо скудныхъ потребностей своего дома, никакой торговли не знаютъ эти заоблачные селенія, разбросанныя среди бесплодныхъ камней, на недоступныхъ обрывахъ горь.

Пастушество и разбой — вотъ единственный, возможный тутъ промыселъ и единственно возможная торговля... Да и какіе другіе, болѣе мирные вкусы въ состояніи воспитать эта мрачная, титаническая природа?

Отвѣсныя стѣны въ нѣсколько тысячъ футъ вышины, то черныя гранитныя, то сѣрыя известковыя, безмолвныя, безнадежныя, однѣ только провожаютъ неистово ревущія бурныя волны дикой горной рѣки, какой-нибудь Аварской Койсу или Ори-цхали... Она бьется въ этомъ тѣсномъ безвыходномъ корридорѣ, какъ плѣнникъ въ темницѣ, загораживаемая, задвигаемая тѣми же неумолимыми своими каменными стражами, злобно вгрызаясь въ ихъ гранитную грудь, потрясая ихъ своими воплями и отчаянными ударами, извиваясь какъ змѣя подъ ихъ необоримымъ напоромъ... Глухой и сырой сумракъ стоитъ въ этихъ пустынныхъ ущельяхъ, полныхъ разрушенія, вражды и смерти...

Также мрачно и сурово жилище человѣка, живущаго въ этой мрачной и суровой природѣ, также мраченъ и суровъ его духъ...

Голыя черныя плиты, сваленныя въ кучу, заваленныя землею, прилѣпленныя къ груди исполинской скалы, чуть освѣщенныя узкой дырою первобытнаго, ничѣмъ не прикрытаго окна, чуть согрѣваемые дымомъ воюющаго кизяка, сожигаемаго прямо на камнѣ, среди комнаты, — вотъ сакля Лезгина, вотъ всѣ удобства его домашней жизни.. Ни тепла, ни свѣта... Насѣкомыя кишатъ на его неопрятномъ тѣлѣ, вѣчно укутанномъ въ ту же мохнатую бурку, въ тотъ же лохматый папахъ, вѣчно валяющемся на землѣ, среди навоза...

Поѣсть — тоже нечѣмъ побаловать себя. Жесткій камень горь и холодъ заоблачныхъ вершинъ не родитъ ни бѣлой пшеницы, ни душистаго овоща... Горсточка ячменной или просяной муки, сваленная съ водою въ галушку, и чуть только проваренная огонькомъ, — этотъ пресловутый Лезгинскій «хинкаль», — да овсяное толокно, — вотъ обычное, а часто единственное кушанье истиннаго Дагестанца, жителя «страны горь».

Да и такой земли, съ которой можно собрать эту горсточку, — то же горсточка своего рода. Чугунные черепа и ребра гранитовъ, шиферовъ, известняковъ, изъ которыхъ вылиты застывшія волны Дагестанскаго моря, — недоступны никакому плугу, никакой киркѣ, а ужь всего менѣе жалкимъ доисторическимъ орудіямъ младенческаго хозяйства Лезгина.

Клочки мягкой наплывшей почвы, застрявшей въ маленькихъ впадинахъ и котловинкахъ, отыскиваются въ Дагестанѣ, какъ золотая руда въ Сибири, и цѣнятся на вѣсъ этой руды. Изъ-за нихъ-то больше всего ведется споровъ, ссоръ, убійствъ, кровавыхъ возмездій. Около этихъ счастливыхъ и рѣдкихъ мѣстечекъ, Дагестанскій хозяинъ строитъ свои лѣтніе хутора, гдѣ онъ хранитъ свой скотъ и запасы хлѣба, сѣна, куда онъ самъ перебирается на время уборки...

Иногда за удобнымъ клочкомъ земли Дагестанцу приходится карабкаться подъ страхомъ ежеминутной гибели по отвѣснымъ стѣнамъ скалъ... Вобьетъ гвоздь для ноги въ камень скалы, захватитъ во всю длину руки желѣзными зубцами кошки, подтянется по ней вверхъ, опять забьетъ свой гвоздикъ, опять уцѣпится кошачьей лапой за какой-нибудь выступъ или кустъ надъ своей головой, и лѣзетъ, забывая, что внизу зияетъ пропасть, что изъ-подъ ногъ, изъ-подъ рукъ то и дѣло сыпятся камни...

Такимъ же путемъ долженъ бѣдняга и потомъ забираться на это, вновь открытое, поле свое, когда приходится его обрабатывать или убирать...

Я своими глазами видѣлъ въ знаменитой Карадагской щели, между Толотлемъ и Гунибомъ, какъ Дагестанскій пасѣчникъ устроилъ свою пасѣку на ножомъ обрѣзанной, отвѣсной стѣнѣ головокружительной высоты, натыкавъ кое-гдѣ въ трещинки этой стѣны коротенькіе, утлые прутики, по которымъ онъ, какъ паукъ, ежедневно взбирается наверхъ... Пасѣчникъ этотъ даже удостоился поднести сотъ меду изъ своей воздушной пасѣки покойному Государю, на глазахъ котораго онъ поднялся и спустился по своимъ палочкамъ, за что и получилъ отъ Государя денежную награду.

Удобныхъ пахатныхъ земель такъ мало въ Дагестанѣ, что Лезгины сочинили по этому поводу очень злую шутку. Трудюбивый Аварскій хозяинъ забрался съ вечера на свое поле съ волами и сохой, что бы не упустить утренняго часа, и, разостлавъ бурку, легъ на ней спать. По утру, проснувшись, онъ уже не могъ сыскать своего поля и былъ въ отчаяніи. Оказалось, что бурка его закрыла собою все поле, и потому онъ не могъ найти его... Ничто не удастся Лезгину безъ тяжкаго труда, безъ смертельной опасности. Проѣхать на пастбище, переправиться черезъ рѣку въ ближній лѣсъ, заглянуть по надобности въ сосѣдній аулъ, — все это сопряжено съ рискомъ сломать шею, быть застрѣленнымъ или зарѣзаннымъ.

Оттого-то и сердце Лезгина невольно прониклось жѣсткостью тѣхъ гранитныхъ утесовъ, среди которыхъ живетъ онъ.

Онъ стыдится ласки и добраго слова въ своей семьѣ. Жена для него не только безмолвная рабыня, но и самый обычный выючный скотъ. Лезгинскій воинъ знаетъ только охоту, пастбу лошадей, набѣги и битвы. Все остальное, весь тяжелый трудъ домашняго и полеваго хозяйства онъ взвалилъ на жену. Удамой джигитъ покойно спитъ, завернувшись въ свою мехнатую бурку гдѣ-нибудь на крышѣ сакли или на висячей галерейкѣ, а жена, поднявшись до свѣта, уже успѣла нѣсколько разъ спуститься и подняться по страшнымъ кручамъ къ источнику съ большими каменными кувшинами на плечахъ, чтобы наготовить воды на день, чтобы приготовить своему грубому владыкѣ къ его пробужденію обычный «хинкаль». Его будитъ только стукъ пестика, которымъ она толчетъ чеснокъ, чтобы приправить совѣмъ уже готовые горячія галушки.

Женщина собираетъ по обрывамъ и неприступнымъ вершинамъ горъ навозъ лошадей и быковъ для кизяка; женщина съ мотыкой въ рукѣ обрабатываетъ, обливаясь потомъ, каменную почву полей, иногда на страшныхъ скатахъ, надъ пропастью; женщина убираетъ просо, яч-

мень, кукурузу и носитъ ихъ на своихъ плечахъ по осыпающимся тропамъ, черезъ дебри и кручи — въ свое жилище. Женщина должна забраться Богъ знаетъ на какую высь, Богъ знаетъ по какимъ обрывамъ, въ далекіе лѣса, уцѣлѣвшіе кое-гдѣ въ Дагестанѣ на самыхъ неприступныхъ скалахъ; она собираетъ тамъ хмызникъ и хворостъ и, подавленная тяжестью своей ноши, совсѣмъ скрытая ею отъ взоровъ прохожаго, ползетъ потихоньку назадъ въ свой аулъ, дѣлая иногда въ день по нѣскольку десятковъ верстъ.

Я видѣлъ на базарѣ Гуниба толпы Лезгинокъ, притащившихъ на себѣ цѣлые воза дровъ верстъ за 30 отъ крѣпости.

Когда Лезгину жаль лошади или янака, онъ всегда пошлетъ жену. Вышла мука, нечего замѣсить въ хинкаль, не изъ чего приготовить чурековъ и ловашей, — вотъ хозяйка отправляется черезъ хребты горъ, черезъ рѣки и пропасти, въ какой-нибудь большой аулъ, чтобы купить тамъ муки и принести домой на своемъ горбу тяжеловѣсный мѣшокъ. Во время путешествія по нагорному Дагестану, часто встрѣчалъ я этихъ терпѣливыхъ женщинъ, одиноко карабкающихся съ мѣшками муки черезъ перевалы въ нѣсколько тысячъ футъ, выбивавшіе изъ силъ самыхъ выносливыхъ горскихъ лошадей.

Впрочемъ, если дома есть зерно, Лезгинка не пойдетъ никуда за мукою; она собственно-ручно смелетъ его на ручномъ жерновѣ, которые держатся здѣсь въ каждомъ домѣ. Такимъ образомъ женщина Дагестана замѣняетъ собою не только лошадиную или воловью силу, но и воду, и вѣтеръ, и паръ...

Зато же какъ жалко и гадко смотрѣть на Лезгинокъ! Мы, Русскіе, по какому-то странному недоразумѣнію, воображаемъ себѣ горскихъ женщинъ стройными красавицами съ знойными глазами, проникнутыми поэзіею горъ и страстью любви. На дѣлѣ же нѣтъ ничего печальнѣе и противнѣе горской женщины. Все это низенькія, коренастыя бабы, неуклюжія, криволапыя, въ 25 лѣтъ уже старухи, грязныя, вонючія, съ тупымъ животнымъ выраженіемъ лица, съ грубыми чертами, одѣтыя чрезвычайно неудобно и некрасиво, въ штанахъ по самыя пяты, въ широкихъ темныхъ бенметахъ и плащахъ... Многія въ 40 лѣтъ согнуты пополамъ, нѣкоторыя просто ползаютъ на четверенькахъ, почти всѣ сутуловатыя, горбоватыя... Это неизбежныя слѣды вѣчной ноши, обращающей ихъ въ верблюда, въ четвероногое не только психически, но и физически...

Злой нравъ и ворчливость этихъ вѣдьмъ устрашаетъ даже неустрашимыхъ Дагестанскихъ воиновъ, деспотическихъ повелителей ихъ... Это вполне подходящія самки для темныхъ и грязныхъ логовищъ, въ которыхъ прячутся въ часы отдыха дикіе двуногіе хищники Дагестана.

Зато же пропалъ бы Лезгинскій удалецъ, если бы у него подъ рукою не было такого не знающаго усталости, такого всевыносящаго домашняго животнаго. Только его женщина дѣлаетъ ему возможною жизнь въ этой бесплодной суровой странѣ. Она замѣняетъ ему отсутствіе всякаго дохода, всякихъ промысловъ, потому что даетъ ему собственнымъ горбомъ все то немногое, что ему нужно; ничего покупнаго не знаетъ Лезгинъ, кромѣ клинка своего кинжала и серебряной оправы своей винтовки. Да и тѣ вуются по сосѣдству въ Казикумыхскихъ и Тавлинскихъ аулахъ ловкими оружейниками. Самыя тонкія и яркія сукна, нѣжныя какъ шаль, умѣетъ ткать Лезгинка изъ шерсти своихъ молодыхъ козъ; она же тклетъ сама серебряныя позументы для черкески, сама шьетъ черкеску и папаху, и ноговицы, туфли изъ сафьяна, сапоги изъ телячьей и козьей кожи... Какъ бы поздно и неожиданно ни возвратился грозный владыка дома, вѣрная раба-жена принимаетъ поводъ его коня, раздѣваетъ и разуваетъ его, кормитъ и поитъ, и его, и его коня... А саму женщину Лезгинъ не пускаетъ садиться за столъ, пока самъ утоляетъ свой голодъ, не пускаетъ въ мечеть молиться рядомъ съ мужчиною, съ «человѣкомъ». Женщину Лезгинъ даже привѣтствуетъ не такъ, какъ другихъ правовѣрныхъ, а такъ какъ чужеземца, сухимъ «кошкильды!» За всякую вину ея, — плеть готова въ рукахъ неумо-

лимаго владыки. За невѣрность, за преступленіе, — мужъ, отецъ, братъ собственноручно убиваютъ женщину безъ малѣйшаго вмѣшательства судебной или какой-нибудь другой власти, безъ малѣйшей отвѣтственности.

Того требуютъ старыя *адаты* или обычаи Дагестана, противъ которыхъ до сихъ поръ еще безсильно борется русскій законъ. Еще въ 1867 году, въ аулѣ Оглы, на глазахъ начальства, мулла и аульныхъ старшинъ, торжественно произошла казнь женщины ея мужемъ, по требованію *джамата*, т. е. сельскаго схода. Дадій-Дадій Оглы крѣпко любилъ свою молодую вторую жену Ашуру, дочь важнаго мѣстнаго кадія Иманъ-Али и крѣпко не хотѣлъ ея казнить; но народъ не хотѣлъ отступить отъ священнаго обычая и заставилъ мужа собственноручно застрѣлить любимую жену...

Въ 1866 г. въ Капучинскомъ аулѣ Калакахъ, другая женщина, Хадыжама, дочь Мухаммада, также согласно адатовъ, по желанію родственниковъ и всего общества, была всенародно побита камнями за скрытое прелюбодѣяніе... Эти случаи, обнаруженные официальнымъ слѣдствіемъ, повторяются и до позднѣйшаго времени.

Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, Дагестанская женщина является только вещью мужчины, сначала отца, потомъ мужа или брата. За убійство ея чужимъ полагается, по адату, гораздо меньшая денежная пеня (*дѣтѣ*), прекращающая кровомщенія, чѣмъ за убійство мужчины. Такъ, въ Кіорѣ, за кровь мужчины платится 250 р., а за кровь женщины только 125 руб.; въ Табасарани за мужчину—600 руб., за женщину—300 руб.; въ Самурскомъ округѣ за мужчину—300 р, за женщину—150 и т. д...

Въ недалекомъ прошломъ самый *дѣтѣ* у нѣкоторыхъ изъ Дагестанскихъ обществъ *выплачивался женщинами*; такъ въ южной Табасарани *дѣтѣ полагался въ 6 дѣвицъ*; изъ нихъ 3 дѣвицы брались натурою, а 3 замѣнялись быками, лошадьми и пр. За одну дѣвицу полагалось 3 быка, или 3 ружья, и т. п. Впрочемъ, право казни своихъ домохозяевъ за преступленіе адатъ вообще признаетъ за каждымъ домохозяиномъ...

Патріархальная жизнь семьи, еще чуждой всякой идеи государства и даже рода, — сохранилась почти цѣликомъ въ глухихъ аулахъ Дагестана...

На пролитіи крови построена вся сложная система нравственныхъ и юридическихъ отношеній Дагестанскаго горца. Кровь лежитъ въ основѣ всѣхъ связей, всѣхъ обязанностей, всякой вражды и дружбы.

Пролита родная кровь враждебною рукою, — и всѣ, въ чьихъ жилахъ течетъ хоть капля той же крови, призываются адатомъ къ неумолимому пролитію вражеской крови, чтобы успокоить ею оскорбленную и неотмщенную память убитаго родственника.

Это далеко не бессмысленная, далеко не произвольная взаимная рѣзня разсвирѣпѣвшихъ дикарей, не знающая предѣловъ, безконечно разрастающаяся сама собою, въ силу всеобщаго неистовства...

Нѣтъ, это цѣлая, тонко разработанная, исторически развившаяся, очень сложная теорія правъ и обязанностей, своего рода систематическій курсъ горской юриспруденціи, которую могутъ исполнѣ знать только знатоки специальности, кадїи и судьи...

Своего рода общественное приличіе и требованія своеобразнаго гражданскаго права играютъ въ дѣлѣ кровомщенія гораздо большую роль, чѣмъ жаръ крови и страстная привязанность къ погибшимъ роднымъ; матерьяльные расчеты и самолюбіе рода также имѣютъ тутъ огромное значеніе.

Долгъ кровомщенія переходитъ въ наслѣдство по прямымъ и боковымъ линіямъ, въ очень строгой послѣдовательности, словно какое-нибудь родовое имущество, такъ что нерѣдко обязываетъ собою людей вовсе не кровожадныхъ, и не чувствующихъ ни малѣйшей личной дружбы къ убитому или пострадавшему...

Крайне интересенъ этотъ оригинальный неписанный уставъ азіатскаго правосудія.

Далеко не всякое убійство адатъ дозволяетъ преслѣдовать кровомщеньемъ.

Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, разбойникъ, нападающій изъ засады ради грабежа, оскорбитель женской чести, застигнутый въ объятіяхъ жены, сестры, дочери или матери, наконецъ кровные враги,— убиваются горцемъ безъ всякаго за то отвѣта, безъ всякаго права возмездія со стороны родныхъ убитаго....

Какъ поединки рыцарскаго времени, какъ наши дворянскія дуэли, и кровомщеніе Дагестанскаго горца составляетъ привилегію только хорошихъ свободныхъ родовъ, или *тохумовъ*. Знатный бекъ унизить себя кровомщеньемъ ничтожному узденю; если же онъ самъ убійца незначительнаго человѣка, то родственники убитаго обязаны примириться съ нимъ за определенное адатомъ вознагражденіе, безъ всякихъ установленныхъ для того унижительныхъ церемоній, всего только послѣ 3-мѣсячнаго изгнанія... А рабъ, убившій бека или узденя, даже во все не подвергается кровомщенью, точно такъ же какъ средневѣковый рыцарь счелъ бы оскорбленіемъ своего достоинства скрестить мечъ съ мѣщаниномъ или мужикомъ.

Только между людьми, равными по крови, ведется дѣйствительный счетъ кровью за кровь, и тутъ уже жизнь Дагестанскаго горца выработала безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ и мельчайшихъ правилъ на каждый случай, видоизмѣняющихся въ каждомъ племени, иногда въ каждомъ обществѣ....

Адатъ обязываетъ убійцу прежде всего «*выходить въ канлы*», т. е. удалиться въ искусительное изгнаніе изъ своего селенія на определенное число лѣтъ... Канлы всячески избѣгаетъ встрѣчи съ родственниками убитаго и имѣетъ право, по истеченіи нѣкотораго времени, совершить торжественный обрядъ примиренія, послѣ котораго съ него только взыскивается денежная или имущественная пеня въ пользу родныхъ убитаго... Пока этотъ спасительный обрядъ не совершенъ, канлы скрывается какъ братоубійца Каинъ, осужденный погибнуть на каждомъ шагу отъ подстерегающей его кровавой мести родныхъ убитаго.

Въ извѣстныхъ случаяхъ не только убійца, но и его родственники обязаны выходить въ канлы и расплачиваться за преступленіе своего ближняго. Адатомъ Хюракинскаго общества, напр., за убійство кадія назначается 7 человѣкъ канлы изъ ближайшихъ родственниковъ убитаго... Въ Ашилъта и др. селеніяхъ по смерти канлы, его мѣсто занимаетъ ближайшій родственникъ и т. д., по наслѣдству, до 7-го поколѣнія, послѣ котораго кровомщеніе уже прекращается.

Во всякомъ случаѣ, что бы не отвѣчать за убійцу, родственники его немедленно должны внести установленную пеню роднымъ убитаго, зарѣзать въ ихъ честь быка и помириться съ ними при благословеніи кадія или муллы.

Хотя каждый горецъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ не отказывать канлы въ приютѣ и помощи, тѣмъ не менѣе ужасно бываетъ положеніе этихъ осужденныхъ. Въ старое время приходилось инымъ цѣлые десятки лѣтъ не выходить изъ сакли и не выглядывать изъ окна или двери, отъ страха постоянной засады кровомстителей.

Только черезъ извѣстное число лѣтъ, но никогда не ранѣе года, канлы могутъ просить о примиреніи и вносить *алымъ* или *діятъ*... Если всѣ безъ исключенія родственники убитаго, мужчины и женщины, согласятся простить убитаго,— то устраивается пиръ съ подарками, и прощенный канлы съ обнаженной головою падаетъ на землю передъ каждымъ изъ приглашенныхъ родственниковъ убитаго... «Встань, мы простили тебя!» говоритъ по очереди каждый входящій, и только тогда встаетъ передъ ними бывший кровный врагъ...

Убить человѣка въ этой странѣ вѣчной войны, вѣчнаго разбоя — такъ же просто, какъ сказать грубое слово.

Кинжалъ виситъ на поясѣ каждаго, даже подъ крышей роднаго дома, среди мирныхъ заботъ хозяйства. А вышелъ на улицу, переступилъ околицу своего селенія,— долженъ быть вооруженъ до зубовъ. На груди патроны, за спиной ружье, пистолеты за поясомъ, кинжалъ

спереди, шашка сбоку. Перекинулся двумя тремя словами съ сосѣдомъ, не понравилось слово или дѣло сосѣда, и глаза сейчасъ же вспыхиваютъ какъ у разъяренной пантеры, и рука судорожно хватается за кинжалъ или пистолетъ. Всякое сильное движеніе духа ищетъ себѣ одного выхода—ударовъ оружія, пролитой крови. На свадебномъ пиршествѣ, на похоронахъ, на народныхъ праздникахъ, —вездѣ гдѣ надо сходитья и говорить другъ съ другомъ, — то и дѣло слышатся угрожающіе возгласы, звонъ клинка о клинокъ, неожиданный короткій выстрѣлъ. Какъ стая волковъ не можетъ собраться въ своемъ лѣсномъ ущельѣ надъ костями павшей скотины, не рыча и не оскаливая враждебно другъ на друга своихъ злыхъ зубовъ, такъ и горцы Дагестана не могутъ обойтись безъ ударовъ и выстрѣловъ.

Кинжалъ играетъ у нихъ роль и судьи, и исполнителя, и охранителя. Къ кому какъ не къ нему прибѣгнешь здѣсь, въ царствѣ пустынныхъ неприступныхъ горъ, орловъ и туровъ? Судьбой и природой здѣсь все взваливается на самого человѣка; никто не помогаетъ ему тутъ ни научиться, ни достать что-нибудь, ни выдумать; въ его собственныхъ рукахъ, его собственной сметкѣ и его собственной настойчивости заключается вся судьба его жизни. Чего не добудетъ самъ, того ужъ негдѣ ему достать, чего не защититъ самъ, того ужъ никто не возвратитъ ему. Умѣй все, смѣй все, будь готовъ на все, — этотъ девизъ чуть не буквально написанъ на всей суровой обстановкѣ полудикой Дагестанской жизни.

Въ этихъ тяжкихъ условіяхъ борьбы безъ отдыха и счета, борьбы вездѣ, всегда и за все, человѣкъ не можетъ особенно цѣнить ни своей, ни чужой жизни... Все равно, онъ рискуетъ ею каждую минуту, не отъ пули врага, такъ отъ неловкаго шага надъ пропастью, отъ неосторожной переправы черезъ бурную, горную рѣчку...

Дагестанская природа закалитъ въ несокрушимую сталь какую угодно слаонервную душу....

Бурные орлы, что одиноко плаваютъ въ поднебесьѣ, съ враждебнымъ и подозрительнымъ клектомъ косясь другъ на друга, что дерутъ жаднымъ когтемъ и жаднымъ клювомъ своимъ, заостреннымъ какъ кривой Тавлинскій кинжалъ, молодыхъ косуль и сернъ на голыхъ макушкахъ утесовъ,—вотъ единственные учителя, единственные образцы для человѣка въ этой школѣ горной пустыни...

Съ дѣтства привыкаетъ раскрывать на нихъ съ изумленіемъ и сочувственнымъ вниманіемъ свои глубокіе черные глаза, на которыхъ надвинута лохматая папаха, молодой дикарь, торчащій на сосѣдномъ утесѣ, такомъ же голомъ, также высоко поднятомъ въ облака...

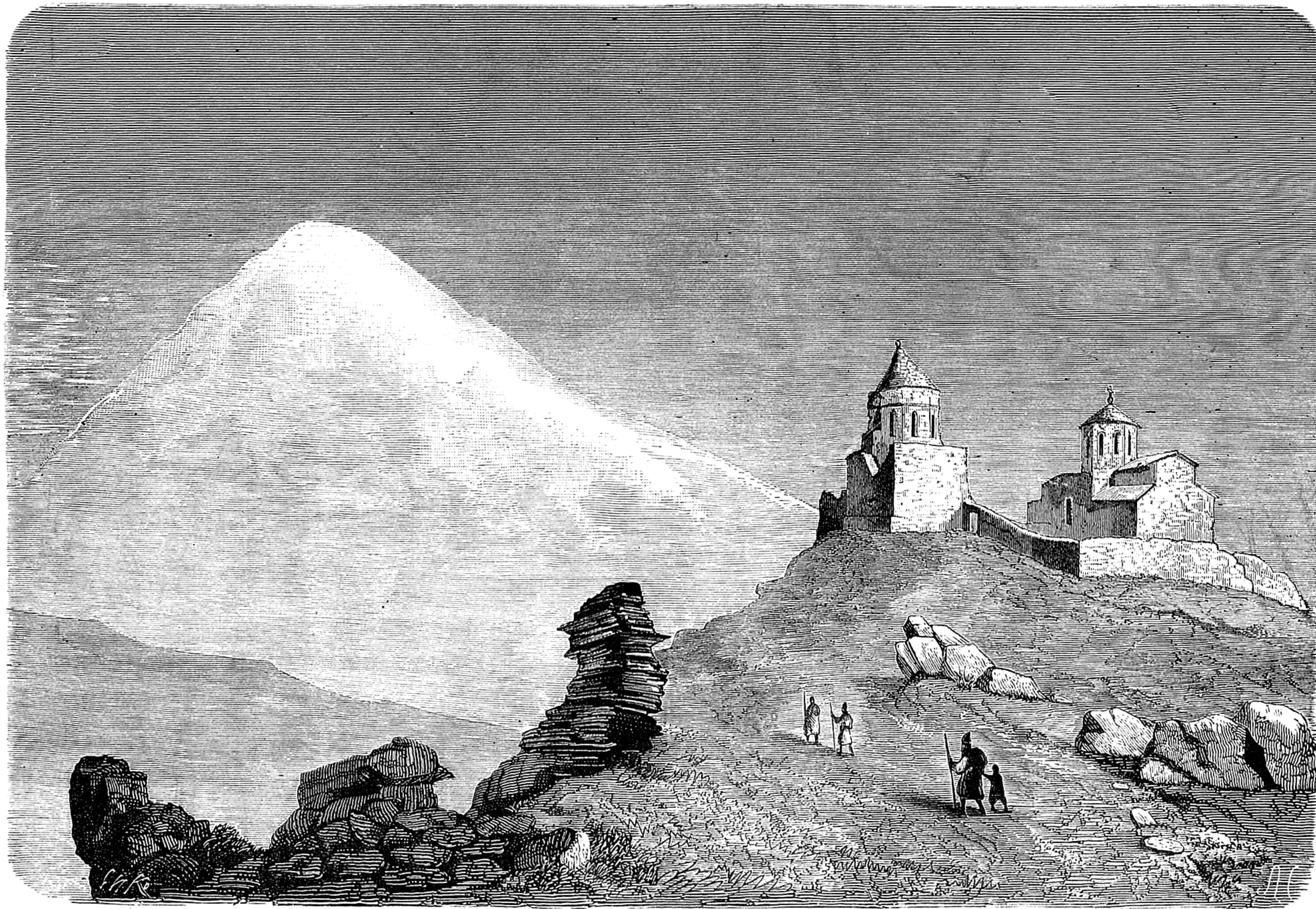
Ловкій налетъ удалаго хищника, могучій, ошеломляющій ударъ... и затѣмъ одушевленная работа желѣзнымъ клювомъ своимъ, желѣзными когтями, среди брызгъ яркой крови, среди бесплодныхъ стоновъ разрываемой въ куски жертвы...

А нето, вонъ пушистый дикій котъ, съ неподвижно сверкающими зеленымъ огнемъ безпощадными, стеклянными глазами повисъ на ближней чинарѣ, поджидая добычу...

Съ замирающимъ, радостнымъ любопытствомъ слѣдятъ за этими фосфорическими глазами лѣснаго хищника черные глаза другаго, подростящаго хищника, полного тѣми же инстинктами звѣря... Распластался, пристылъ, будто не живой, къ своей качающейся вѣткѣ, матерой, усатый котъ, и вдругъ шмякается, какъ подстрѣленный, внизъ, растопыривъ и лапы, и когти, и вгрызается сразу и когтями, и зубами въ неосторожнаго козленка, пробираващагося сквозь чащу....

Радостной волной всколыхнется дѣтское сердце горца, и живая картина этой терпѣливой безмолвной засады, этого смѣлаго скачка, раздавившаго пополамъ глупое, доврчивое животное, — останется на вѣкъ врѣзанной въ его страстную душу, какъ идеаль отваги и мудраго расчета...

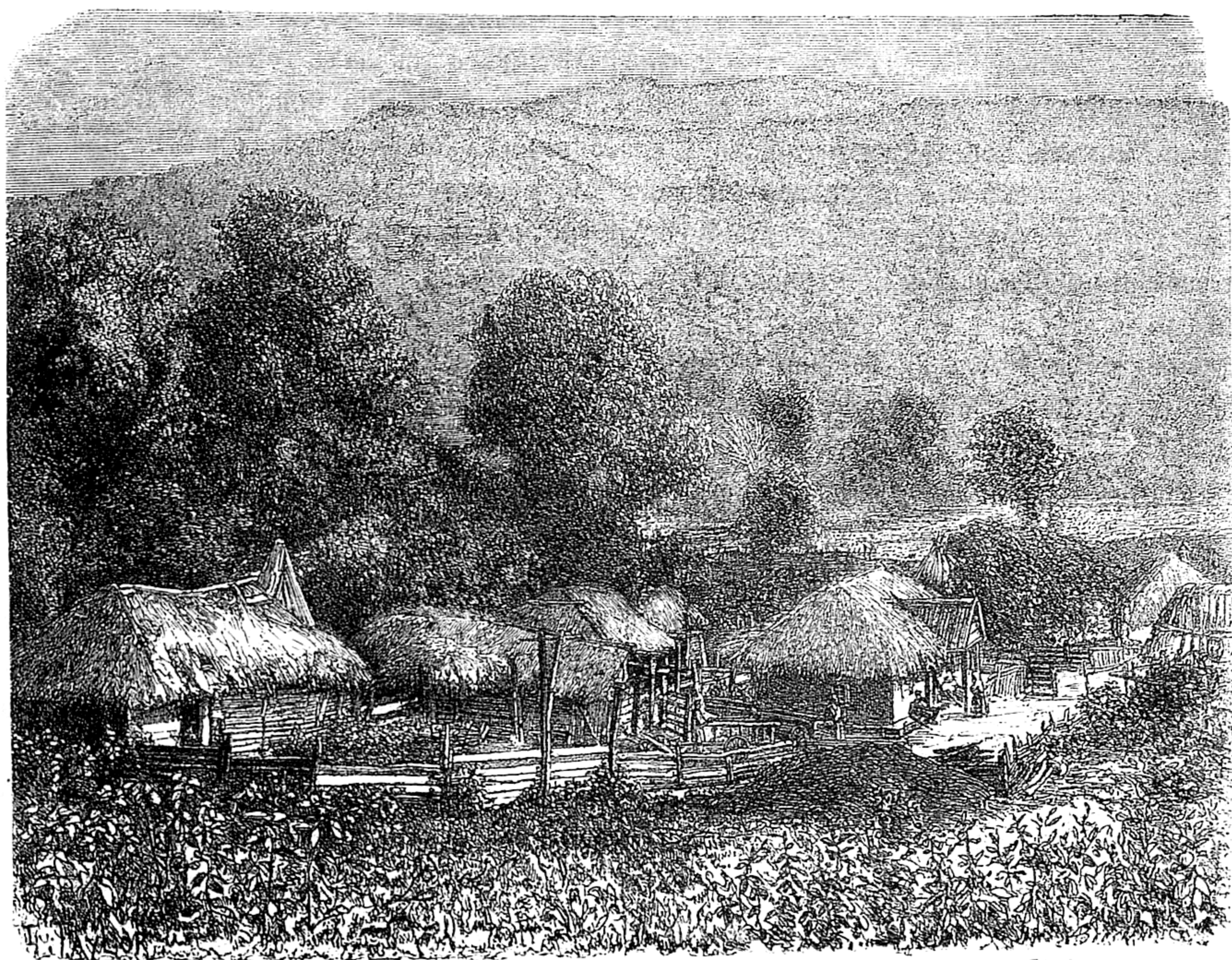
Такова дикая школа этой дикой жизни...

Дагестанскій горецъ гордится ею и воспѣваетъ ее.

Послушайте, напр., Лезгинскую эпопею о Хочбарѣ. Славнаго Аварскаго героя Хочбара изъ Гидатля заманилъ къ себѣ обманомъ въ Хунзахъ Аварскій ханъ Нуцаль и приказалъ сжечь его живаго. Но чтобы потѣшиться надъ плѣнникомъ, развязали ему сначала руки и приказали пѣть, подыгрывая на гудѣ...

«Слушайте же, Аварцы, расскажу вамъ кое-что, и ты не мѣшай мнѣ, Нуцаль, стану я пѣть. Взлѣзъ я къ тебѣ въ окно и унесъ шелковые шальвары любимой жены твоей, снялъ я серебряныя запястья съ бѣлыхъ рукъ любезныхъ сестеръ твоихъ, зарѣзалъ я ручнаго тура твоего. Вотъ наверху овчарни, кто угналъ изъ нихъ барановъ, отчего онѣ опустѣли? Вотъ внизу конюшни, кто угналъ табунъ, отчего онѣ развалились? Вотъ на крышахъ вдовы, кто

Мингрельская деревня.

сдѣлалъ ихъ вдовами, убивъ мужей? Вокругъ насъ сироты, кто убилъ ихъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ сиротами? Не перечеть всѣхъ, кого убилъ я и въ полѣ, и въ лѣсу. Развѣ не убилъ я 60 человѣкъ изъ вашего общества? Вотъ, Нуцаль, какіе я совершилъ подвиги, а то что за подвигъ обманомъ зазвать къ себѣ человѣка и приказать умертвить его?» Покуда пѣлъ и игралъ Хочбаръ, маленькія дѣти Нуцала пришли и сѣли впереди его. Схвативъ подъ мышки по одному, бросился Хочбаръ въ пламя. «Что вы стонете, Нуцалята, вѣдь и я горю вмѣстѣ съ вами? Что вы пицните, поросята, вѣдь и мнѣ милъ былъ бѣлый свѣтъ? Дорогой конь, не разъ ты потопталъ пятки Аварцевъ! Остроконечное копье, не разъ пробивало ты груди ханскимъ нукерамъ, пусть не плачетъ мать моя: *не даромъ погибъ ея молодецъ!* Пусть не тоскуютъ сестры мои: умеръ я со славою!»

Таковъ символъ вѣры горца, таковы его нравственные идеалы; безстрашіе и беспощадность звѣря становятся священнымъ долгомъ человѣка, его высшею добродѣтелью. Это уже

не разбой ради разбоя, а крѣпко установившійся, всѣми признанный, всѣмъ обязательный культъ крови и насилія, такой же кодексъ морали, какъ для христіанина Евангельское поученіе о напоившихъ жаждущаго, накормившихъ голоднаго, подавшихъ нищему, посѣтившихъ больнаго...

Для горца въ этомъ не только религіозный и гражданскій долгъ, но еще и предметъ всѣхъ его поэтическихъ мечтаній, его право на славу и любовь.

«Догоняетъ на крыльяхъ и ловитъ свою добычу когтями бѣлый ястребъ. Онъ ловитъ ее и тутъ же клюетъ сырою. На рѣзвыхъ ногахъ догоняетъ и крѣпкими рветъ когтями пестрый барсъ краснаго звѣря.»

Поется въ извѣстной чеченской пѣснѣ о Хамзатѣ. «Опять сказалъ Хамзатъ своимъ товарищамъ: въ этотъ день гуріи райскія смотрятъ изъ оконъ съ неба на насъ и любятъ; онѣ ссорятся, выбирая изъ насъ себѣ мужа.»

«Высоко въ небѣ увидалъ онъ перелетныхъ птицъ и сказалъ онъ имъ: О, воздушныя птицы! Передайте вы нашъ послѣдній привѣтъ, нашъ послѣдній поклонъ Гихинскому наibu Ахъ-Верды-Магома, передайте и поклонъ красавицамъ, бѣлымъ дѣвушкамъ, и скажите вы имъ, что наши крѣпкія плечи стѣной служатъ для русскихъ пуль...»

Тѣмъ же чувствомъ удовлетворенной гордости, исполненнаго долга, звучатъ и всѣ другія горскія пѣсни о кровавыхъ подвигахъ своихъ погибшихъ героевъ, пѣсня объ Ель-Мурзѣ-Барчи и др.

Окружили Ель-Мурзу за Терекомъ Русскіе. И сказалъ ему посланный: «У тебя нѣтъ крыльевъ, Ель-Мурза, чтобъ взлетѣть на небо, нѣтъ и когтей, чтобы выкопать нору и уйти подъ землю.»

«Крылья мои на небо — мое крымское ружье, а мои когти, чтобы сдѣлать нору — моя шашка терсмеймуль (особый родъ клинковъ). И сдамся я тогда, когда вмѣсто газырей надѣну женскія петли!» отвѣчаетъ Ель-Мурза.

Стали тогда стрѣлять въ нихъ изъ широкихъ ружей, съ оправленными мѣдью прикладами.

Закричалъ Ель-Мурза христіанамъ: «послушайте вы, христіане, пуль у насъ какъ звѣздъ на небѣ, а пороху какъ черной земли. Пока небо стоитъ, и мы будемъ стоять; пока земля не пойдетъ, не пойдѣмъ и мы!»

Храбрость и презрѣніе къ смерти кажется горцу такою добродѣтелью, что онъ благоговѣетъ даже передъ смертельнымъ врагомъ, если видитъ въ немъ дѣйствительнаго героя. Оттого-то Кавказскіе горцы о Ермоловѣ, Баклановѣ и другихъ нашихъ знаменитыхъ храбрцахъ-генералахъ сочинили цѣлыя волшебныя саги, проникнутыя столько же дѣтскимъ ужасомъ передъ несокрушимою силою, сколько восторгомъ передъ удалію.

Въ Акушѣ и другихъ Даргинскихъ обществахъ Дагестана до сихъ поръ, напр., поется пѣсня про Ермолова: «Тамъ гдѣ ни курица, ни лисица въ свою жизнь не могла бы отыскать тропинки, чтобы пробраться въ Даргу, — Ермоловъ въ 3 часа нашелъ дорогу.»

«Руками онъ дѣйствовалъ подобно желѣзному молоту, ломающему камни.»

«Какъ только Ермоловъ пришелъ въ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страха Акушскіе кадїи и старшины.»

«Народная слава сохранить славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится.

«Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей.»

«Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачь и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?»

«Ты прїобрѣлъ въ Даргѣ и во всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій Султанъ.

«Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ Персидскій шахъ (т. е. шахъ Надиръ).»

Невольное бездѣліе, на которое природа осудила Дагестанца, его бѣдность, его хищническіе инстинкты, его поэзія битвъ, его религіозная ненависть къ гяурамъ,—все дѣлало изъ этихъ мелкихъ горскихъ племенъ, укрывавшихся въ своихъ неприступныхъ котловинахъ, ущельяхъ и обрывахъ, страшное для всѣхъ сосѣдей разбойничье гнѣздо. То и дѣло въ теченіе долгихъ вѣковъ Кавказской исторіи спускаются они своими удалыми шайками съ своихъ заоблачныхъ ауловъ на окружающія ихъ плодородныя равнины, и мирныя населенія, какъ стая смѣлыхъ коршуновъ на домашнюю птицу, быстрымъ налетомъ пробѣгаютъ страну, угоняютъ скотъ и людей, выжигаютъ жилища, разграбливаютъ трудами нажитое добро и, опустошивъ, будто нашествіемъ саранчи, цвѣтушія области Закавказья, Терской и Кубанской равнины, опять исчезаютъ безъ слѣда въ своихъ орлиныхъ гнѣздахъ, гдѣ никто не достанетъ ихъ.

Миръ съ ними—это такая же невозможность, какъ миръ лѣснаго война съ пасущимся стадомъ овецъ.

Звѣря можно убить, можно выгнать вонъ, вырубивъ лѣсъ, гдѣ его логово; но пока онъ въ лѣсу, пока онъ звѣрь, онъ не перестанетъ рѣзать овецъ и пожирать ихъ.

Самое близкое къ Грузіи Дагестанское племя, заоблачныя гнѣзда котораго висятъ на своихъ утесахъ прямо надъ роскошной Кахетіей, текущей виномъ и медомъ, — Дидойцы, — даже называютъ сами себя *орлами, цези*... До такой степени они сознаютъ свое положеніе орловъ, свои вкусы орловъ, свою удалъ орловъ...

И хотя сосѣди ихъ, Капучинцы, Тушины и другіе прозываютъ ихъ вовсе не орлами, а только оборванцами, *Пунта*, однако довольно побывать разъ въ ихъ сѣрыхъ каменныхъ аулахъ, прилѣпленныхъ надъ безднами, на высотѣ 10,000 футъ, довольно разъ видѣть ихъ неутомимое рысканье съ утеса на утесъ, легкое, быстрое, смѣлое, словно настоящій полетъ горной птицы, чтобы признать въ нихъ дѣйствительно «орловъ», безстрашныхъ хищниковъ, стерегущихъ съ заоблачныхъ утесовъ свою добычу.

Проѣхавъ нагорный Дагестанъ съ его ледниками, водопадами, кручами, пропастями, непроходимыми гранитными массами, недоступными заоблачными лѣсами, среди обваловъ и дикаго рева водъ, — поймешь, что стоило русскому человѣку докарабкаться до этого орлинаго гнѣзда и обрубить желѣзные когти и клювы спрятаннымъ въ немъ хищникамъ.

Въ Дагестанскій аулъ не взлѣзешь даже въ мирное время, когда тащить тебя наверхъ могучая дружественная рука проводника-нукера. Аулы эти, кажется, нарочно засѣли въ тѣхъ именно мѣстахъ, къ которымъ не проберешься ни сверху, ни снизу. Улицы нѣтъ въ аулѣ; каменные двухъ-ярусныя бойницы, которыя горецъ называетъ саклями, мрачныя, слѣпыя, съ еле-примѣтными, узкими щелями для ружей,—отступаютъ другъ отъ друга только на столько, чтобы человѣкъ съ трудомъ могъ протиснуться между нихъ, и чтобы его, въ случаѣ нужды, легко было прострѣлить или проколоть насквозь изъ первой встрѣчной дыры. На крышѣ одной бойницы торчитъ другая, надъ другой третья, и ножомъ расколота щель, замѣняющая улицу, вьется и лѣпится, какъ змѣя, по отвѣсной кручѣ, у подножія всѣхъ этихъ, безъ порядка насыпанныхъ въ кучу, каменныхъ редутовъ, въ которыхъ высоко приподняты отъ земли даже желѣзомъ кованныя дверочки, единственные входы въ эти разбойничьи жилища. Немудрено, что при взятіи Лезгинскихъ ауловъ истреблялись цѣлые отряды нашихъ храбрецовъ-солдатиковъ.

Пока еще долѣзутъ они по обрывамъ голыхъ утесовъ до разбойничьяго гнѣзда, мѣткія винтовки успѣютъ раздробить не одинъ черепъ, а сваленные сверху камни унесутъ цѣлую толпу. А доползли, — пошла рукопашная рѣзня на этихъ узкихъ переулочкахъ, среди глухихъ стѣнъ, гдѣ негдѣ руки развернуть, некуда выстрѣлить, не въ кого цѣлить. Здѣсь каждая горская баба, каждый десятилѣтній ребенокъ рѣжутся и убиваютъ, здѣсь одинъ отчаянный рубака, засѣвъ въ своей темной саклѣ, истребитъ цѣлую кучу осаждающихъ, пока они взломаютъ его дверь или разберутъ крышу и застрѣлятъ его въ упоръ. Иногда какіе-нибудь чет-

веро или пятеро храбрецовъ отбиваются въ своей башнѣ по нѣскольку часовъ отъ цѣлаго отряда, и цѣлый отрядъ, бывало, дрогнетъ, когда, разстрѣлявъ послѣдніе заряды, удушаемые дымомъ подоженной башни, отчаянные защитники съ обнаженными бритыми головами, съ кинжалами въ зубахъ, съ шашками въ рукахъ, неистово врываются въ сверкающіе ряды штыковъ, чтобы продать подороже свою удалую голову.

Въ эти-то орлиныя гнѣзда проникла, 50 лѣтъ тому назадъ, проповѣдь *муридизма*. Дагестанъ переродился. Аулы сосѣднихъ горъ, рѣзавшіеся другъ съ другомъ за водоной, пастбища, стали другъ за друга каменною стѣною. Дагестанъ, Чечня, весь горный Кавказъ сознали вдругъ свое единство и сплотились въ одинъ народъ. Знамя пророка, кличъ священной войны, *газавата*, всѣхъ горцевъ-мусульманъ сдѣлалъ родными братьями.

Кличъ этотъ, это знамя народной и религіозной войны, поднялъ старый слѣпой постникъ и молитвенникъ, мулла Магометъ, кадій Кюринскій изъ деревни Яраглара.

Имеретинъ.

Кази-мулла, Гамзатъ-Бекъ, Шамиль, — три первые имама Дагестана, — были только его учениками и послѣдователями.

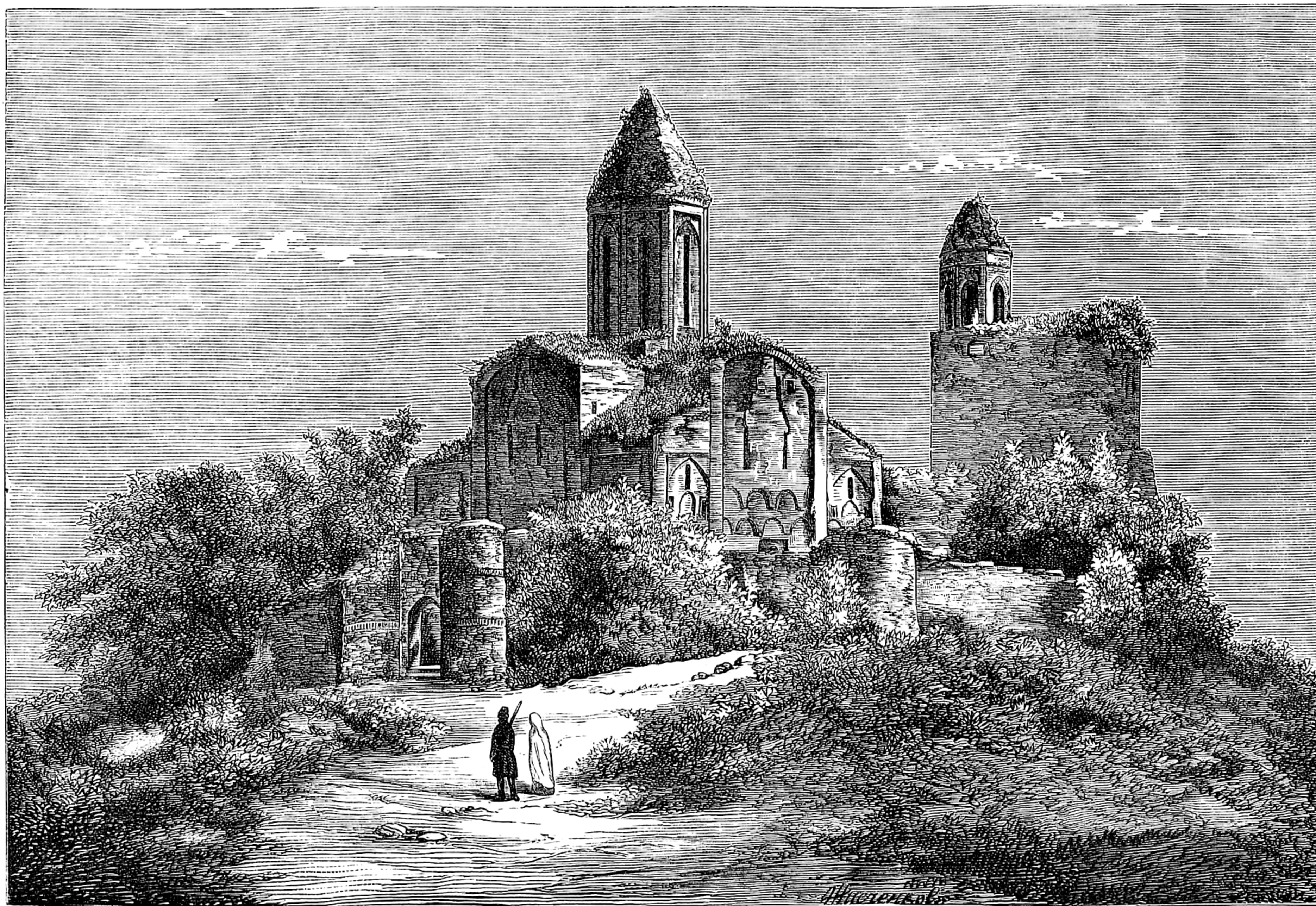
Худой, съ строгимъ лицомъ, съ бѣлою, какъ лунь бороною, тихій старецъ въ зеленой чалмѣ и синей мантии, раздавъ нищимъ все богатое имѣніе свое, потерявъ зрѣніе отъ постоянныхъ ночныхъ бдѣній надъ священными книгами, едва слышнымъ шепотомъ своимъ звалъ на безысходную и непримиримую, кровавую войну съ русскими гяурами всѣхъ правовѣрныхъ обитателей горъ.

«Во всѣхъ богатыхъ приношеніяхъ вашихъ, на всѣхъ бракахъ и на всѣхъ дѣтяхъ вашихъ, — на всемъ тяготѣетъ проклятіе: небо наложило на васъ печать отверженія, потому что вы всѣ пресмыкаетесь во грѣхѣхъ, не признаете, не исполняете закона Пророка! Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, но прежде ополчитесь на священную войну!....»

«Развѣ ты не признаешь силу Русскихъ и не думаешь, сколько прольется крови по твоей винѣ?» грозно спрашивалъ его, испуганный движеніемъ, покорный Русскимъ Казикумыхскій ханъ Асланъ.

«Знаю, что Русскіе сильнѣе насъ, но Богъ сильнѣе ихъ!» отвѣчалъ непоколебимый старецъ, и несмотря на жестокіе удары хана, на угрозы, уговоры и подарки, продолжалъ свою проповѣдь войны.

«Именемъ Пророка повелѣваю тебѣ, Кази-мулла, иди, собери народъ, вооружи его и, съ помощью Аллаха, начинай войну!» говорилъ онъ, возложивъ руки на главу своего храбрѣй-

T. IX.

Монастырь Ангела въ Закавказьѣ.

шаго мюрида (ученика). «Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ Русскихъ, и горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ гяуровъ!»

Весь Дагестанъ слушалъ его, объятый благоговѣньемъ и восторгомъ. Всѣ шли на бой, опьяненные фанатической вѣрой въ своего имама. «Сердце человѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю!» говорятъ до сихъ поръ горцы, вспоминая перваго муршида своего.

Кази-мулла повелъ своихъ восторженныхъ мюридовъ на священную войну. Долго, отчаянно бился онъ съ неравною силою, наконецъ, загнанный въ горы, защищая родное селенье Гимры, гдѣ онъ увидѣлъ первый свѣтъ солнца, онъ палъ со всѣми своими на порогѣ своего дома. «Чувствую, что приближается конецъ мой» говорилъ онъ мюридамъ. «Я умираю здѣсь, гдѣ родился; умираю за истину тариката, за священный шаріатъ. Кто хочетъ также умереть, пусть остается со мною!»

Его трупъ нашли въ позѣ горячей молитвы: одной рукой онъ держалъ бороду, священное украшеніе мусульманина, другую руку поднималъ къ небу!...

Шамиль родился въ тѣхъ же Гимрахъ и учился у того же святаго старца въ Ярагларѣ, какъ и Кази-Магометъ-мулла, его учитель и другъ.

«Они жили какъ родные братья, и все что ни встрѣчалось имъ въ жизни,—и радость, и горе, — они дѣлили на двѣ совершенно равныя части», говоритъ о нихъ Дагестанскій біографъ.

Шамиль учился у своего друга, который былъ 4-мя годами старше его и жилъ всего черезъ два дома отъ него.

Кази-мулла еще юношей былъ уже ученымъ, зналъ наизусть весь коранъ, хорошо читалъ по-арабски, и цѣлые дни проводилъ за книгами древнихъ мудрецовъ, затыкая воскомъ уши чтобы не развлекаться.

«Онъ былъ молчаливъ, какъ камень!...» отзывался о немъ Шамиль: «и нигдѣ я такъ много не научился, какъ отъ Кази-Магомета.» Шамиль, т. е. Самуиль (Шамуиль), родился истымъ горцемъ, истымъ жителемъ Дагестана. Въ 20 лѣтъ онъ совершенно свободно перепрыгивалъ черезъ веревку, которую держали два большихъ человѣка, вытянувъ вверхъ руки; перепрыгивалъ черезъ голову стоящаго человѣка; пропасти, шириною въ нѣсколько сажень, онъ перелеталъ какъ серна; никто не могъ ни настичь его, ни одолѣть въ борьбѣ; это была сама ловкость, сама отвага, сама сила, идеалъ всѣхъ добродѣтелей горца..... Тавлинскій кинжалъ о двухъ языкахъ или кривая булатная шашка были его постоянною забавою, которую онъ не выпускалъ изъ рукъ. Если не было подлѣ товарища, съ которымъ можно было помѣриться ловкостью ударовъ, онъ наносилъ и отражалъ удары, увертывался и нападалъ наединѣ самъ съ собою... Въ холодъ, въ дождь, по снѣгу, онъ ходилъ босыми ногами, грудь на распашку; онъ закалилъ этимъ свое слабое съ дѣтства здоровье до несокрушимости.

Опасныя раны, которыя онъ потомъ во множествѣ получалъ въ битвахъ, ему были ничемъ; онъ не страдалъ отъ нихъ даже въ старости. Одинъ разъ русскій штыкъ прокололъ ему легкое, но онъ и тутъ остался живъ, и все прошло безъ слѣда....

Но когда юноша Шамиль выпускалъ изъ руки шашку, онъ бралъ въ эту руку книгу. Онъ учился страстно, увлеченно, вездѣ, гдѣ только могъ розыскать знаменитаго ученостью наставника; учился долго. Даже женившись вторично, на 30 году своей жизни, онъ еще учился цѣлыхъ 3 года, погруженный съ головою въ священный Коранъ, въ книги арабскихъ мудрецовъ, въ сказанія и пѣсни персидскихъ поэтовъ.

Горцы были увѣрены, что ихъ имамъ обладаетъ сверхъ-естественною силою. Его не беретъ ни мечъ, ни огонь, ни пуля; враги никогда не могутъ захватить его, никогда не могутъ воспользоваться своею побѣдой. Аллахъ затемняетъ ихъ разумъ, и они видя не видятъ, и

держа въ рукахъ, выпускають его. Шамиль дѣлалъ все, чтобы поддержать эту вѣру въ свою чудесность, и обстоятельства помогали ему.

Разъ онъ упалъ замертво у ногъ Кази-муллы, сраженный двумя пулями; только что разнеслась по ауламъ горькая вѣсть о смерти его, какъ вдругъ Шамиль явился среди мюридовъ и показалъ на груди своей тяжелыя раны, изъ которыхъ не сочилась болѣе кровь...

«Аллахъ воздвигъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы онъ побѣждалъ живыхъ!...» въ благоговѣйномъ ужасѣ воскликнули тогда мюриды.

Другой разъ мюриды съ Шамилемъ были окружены Аварцами въ укрѣпленномъ аулѣ Хунзахѣ, сожжены и перерѣзаны, казалось, всѣ до одного; но Шамиль тотчасъ же появился въ окрестныхъ селеньяхъ и уже набиралъ новую дружину, проповѣдуя всѣмъ свое чудесное спасеніе по волѣ Аллаха, для дѣла Аллаха.

Третій разъ также непостижимо спасся Шамиль изъ крѣпости Ахульго, куда онъ былъ загнанъ съ 2000 мюридовъ храбрымъ генераломъ Граббе.

Неприступная гранитная твердыня, торчащая среди безднъ на отрывистыхъ заоблачныхъ утесахъ, была тѣсно обложена русскимъ отрядомъ и взята наконецъ цѣною цѣлыхъ рѣкъ русской крови, но Шамиль невидимо исчезъ изъ Ахульго и уже готовилъ русской силѣ новый отпоръ.

Въ смутныя минуты своей судьбы, послѣ такихъ неудачъ, или готовясь къ рѣшительному дѣлу, Шамиль, подобно Магомету и Моисею, удалялся въ пещеру или затворялся безвыходно въ сакль своей, чтобы въ строжайшемъ постѣ и молитвѣ бесѣдовать съ Богомъ и испросить у Него указаній на дальнѣйшій подвигъ.

По три недѣли проводилъ онъ такъ, не отрывая глазъ отъ Корана, и когда наконецъ появлялся опять среди народа, блѣдный, суровый, изнуренный, съ глазами, сверкающими неземнымъ одушевленіемъ, муллы и военачальники выслушивали каждое повелѣніе его, какъ законъ, ниспосланный Аллахомъ.

Возсылая молитвы Аллаху, громко распѣвая стихи Корана, выходилъ Шамиль изъ совѣта старшинъ, провожаемый своими любимыми мюридами, къ толпамъ народа, робко и терпѣливо выжидавшего откровеній свыше, и возвѣщалъ правовѣрнымъ жителямъ горъ волю Аллаха.

Шашки и кинжалы выхватывались изъ ноженъ, священный гимнъ корана одушевленно подхватывался тѣсно обступавшею толпою, и изъ всѣхъ устъ приносилась горячая клятва непоколебимо стоять за вѣру пророка, безъ пощады истреблять нечестивыхъ враговъ его.

«Великъ Аллахъ! Магометъ его первый пророкъ, а Шамиль второй!...» кричала фанатическая толпа, расходясь по домамъ и потрясая оружіемъ.

Шамиль обладалъ страстнымъ восточнымъ краснорѣчіемъ, въ которое восторженно уходила вся его смѣлая душа, и слово его дѣйствовало на простодушныя сердца горцевъ, какъ небесная молнія.

Не даромъ Шамиль съ такимъ увлеченіемъ вчитывался въ жизнь пророка, основавшаго исламъ.

Онъ изучилъ на немъ и тѣ могучія духовныя орудія, которыми арабскій пастухъ когда-то всколыхалъ все человѣчество древняго Востока, съ помощью которыхъ онъ овладѣлъ на цѣлыя тысячелѣтія его душою и волею.

Шамиль поражалъ безхитростныхъ горцевъ драматизмомъ своихъ неожиданныхъ выходовъ, величіемъ своего вида, загадочностью изрѣченій, таинственностью и строгостью своей жизни.

Онъ прозвалъ неустрашимыхъ спутниковъ своего перваго бѣгства изъ Гимръ въ Ашильту тѣмъ же именемъ *Мугаджиретъ*, какимъ называлъ Магометъ товарищей своего бѣгства изъ Мекки въ Медину, а жителей Ашильты, дружески пріютившихъ его, тѣмъ самымъ именемъ *ансаръ* (подвижникъ), которымъ наградилъ Магометъ вѣрныхъ ему Мединцевъ.

Какъ Магометъ, онъ чертилъ на клочкахъ бумаги наставленія и приказанія свои, и раздавалъ ихъ мюридамъ и наибамъ. Разъ Чеченцы уговорили его мать передать грозному имаму о ихъ намѣреніи поддаться Русскимъ, если Шамиль не дастъ имъ надежной помощи.

Имамъ глубоко почиталъ Ханумъ, мать свою; никогда не слушая ничьего совѣта, выполнялъ какъ Божью заповѣдь всякое желанье Ханумъ. По ея слову падали оковы съ заточенныхъ, возвращалось имѣнье ограбленнымъ, осужденные на смерть получали жизнь.

Но возмутительнаго предложенья предаться гяуру не должна была смѣть безнаказанно сдѣлать имаму даже сама мать его.

3 сутокъ молился имамъ, запершись въ мечети аула Дарго, испрашивая откровеній Аллаха, и всѣ эти 3 сутокъ стоялъ, по его повелѣнью, вокругъ мечети, безъ питья, сна и пищи, встревоженный народъ... На четвертый день отворилась дверь мечети, и передъ измученными Даргинцами появился Шамиль. Глаза его были налиты кровью отъ слезъ и бессонницы. Молча взошелъ имамъ на плоскую кровлю мечети, провожаемый 2-мя мюридами, и повелѣлъ привести туда старую Ханумъ.

— Великій пророкъ Магометъ!—произнесъ Шамиль, послѣ глубокаго молчанія, съ которымъ онъ долго глядѣлъ на мать.— Да исполнится правый судъ твой въ примѣръ всѣмъ послѣдователямъ святаго Корана! Правовѣрные! по волѣ Аллаха, повелѣно мнѣ дать сто жестокихъ ударовъ тому, кто первый высказалъ мнѣ постыдное намѣренье Чеченскаго народа. Этотъ первый — была мать моя.

Мюриды сорвали чадру съ испуганной старухи, и началась ея казнь. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ старуха упала безъ чувствъ. Шамиль, пораженный горемъ, бросается къ ногамъ матери и простирается на землѣ съ горячими молитвами.

Народъ стоитъ, охваченный ужасомъ, и съ рыданьемъ проситъ о помилованіи. Грозный имамъ Дагестана, въ слезахъ распростертый на землѣ, исполняетъ трепетомъ душу каждаго.

Вдругъ Шамиль встаетъ во весь могучій ростъ свой, восторженно и смѣло сверкая глазами.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Бога!—воскликаетъ онъ.— Аллахъ услышалъ мою молитву и дозволилъ мнѣ принять на себя казнь, на которую была обречена моя бѣдная мать!

Съ радостнымъ торжествомъ сбрасываетъ онъ свои широкія одежды и приказываетъ 2-мъ мюридамъ наносить ему удары толстыми нагайками безъ всякой пощады.

— Кто осмѣлится изъ васъ слабо выполнить волю пророка, того я поражу кинжаломъ изъ собственной руки! — объявляетъ онъ имъ.

Народъ внизу оцѣпенѣлъ отъ благоговѣйнаго изумленья, а Шамиль, не испустивъ ни одного стона, принимаетъ на глазахъ всѣхъ 95 жестокихъ ударовъ. Такими глубокими и рѣзкими сценами потрясалъ Шамиль восточное воображенье своихъ поклонниковъ.

Вообще въ Шамилѣ воплотился весь суровый и мужественный геній Дагестанскаго горца, вся героическая слава и сила его, желѣзная несокрушимость духа, поэзія войны и крови, упорный фатализмъ, полный суевѣрія и таинственности, наконецъ грубый патріархально-деспотическій взглядъ восточнаго человѣка на гражданское общество и семью.

Чтобы уразумѣть нравственный и физическій обликъ горца въ его идеальной полнотѣ, довольно изучить жизнь одного Шамиля.

Оттого-то и могъ достигъ Шамиль такой безусловной власти, такой безпредѣльной популярности среди вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ раздробленныхъ племенъ Дагестана и Чечни, которыя онъ силою своей непреклонной воли, можно сказать, обратилъ въ одно цѣльное царство Кавказскихъ горцевъ, Кавказскаго ислама. Принятый имъ титулъ *Имама-уль-азама* (т. е. главы вѣры) и *повелителя Кавказа* не былъ пустыми словами.

Когда съ голыхъ плоскостей Гуниба или Ведено спускалась на удаломъ кабардинцѣ стро-

гая и сухая плечистая фигура въ бѣлой чалмѣ и черной черкескѣ, съ ярко окрашенною въ огненный цвѣтъ бородою имама, окруженная такими же суровыми, такими же могучими мюридами, вооруженными до зубовъ, съ значкомъ въ серединѣ, провожаемая выстрѣломъ пушки, благоговѣнно встрѣчаемая народомъ, цѣлующимъ полы одеждъ и руки своего имама,—весь горскій Кавказъ съ радостной гордостью глядѣлъ на вождя и героя своего, жилъ въ немъ своимъ сердцемъ и надеждами, весь Кавказъ вторилъ душою мрачной воинственной пѣснѣ, которую пѣлъ при каждомъ выѣздѣ своемъ на походъ грозный имамъ съ своими грозными мюридами:

«Обнажи мечъ свой, мой народъ!
На помощь идите къ намъ...
Проститесь со сномъ и покоемъ,
Я зову васъ именемъ Бога,
Ради Бога!...»

Евгеній Марковъ.

